

Наталья Александрова

Зелье сатаны

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Зелье сатаны

«АСТ»

2009

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Зелье сатаны / Н. Н. Александрова — «АСТ», 2009 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-103704-8

Уроборос мистагиус – может быть, самый древний и могущественный на земле артефакт. Говорят, что первый уроборос изготовил сам сатана, вложив в него древнюю магию и черную злобу своего сердца. Потом его ученики и слуги создали еще несколько таких артефактов, и каждый из них обладает удивительной властью – возвращает молодость своему владельцу. Что это – мистика? Предрассудки? Или что-то более таинственное и необъяснимое? Ключ к разгадке тайны скрыт в старинном полотне неизвестного итальянского мастера, над воссозданием которого работает питерский реставратор Дмитрий Старыгин. Пытаясь проникнуть в тайну, он пускается по следу одного из верных слуг сатаны. Книга также выходила под названием «Завещание алхимика».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103704-8

© Александрова Н. Н., 2009
© АСТ, 2009

Наталья Александрова

Зелье сатаны

© Н. Александрова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

До революции модная петербургская публика в хорошую погоду прогуливалась непременно по *солнечной стороне* Невского проспекта – то есть по правой его стороне, если смотреть от Лавры в сторону Адмиралтейства, по той стороне, что напротив Гостиного Двора и Казанского собора.

Давно уже нет на свете тех дореволюционных франтов, как мотыльки сгоревших в огне войн и революций, но теперешняя модная публика неосознанно предпочитает ту же *солнечную сторону*. Видимо, в этом проявляется историческая память, или преемственность поколений, или же просто солнце так редко гостит в нашем городе, что жители невольно ловят каждый его луч. При этом кто-то непременно задерживается на пяточке вблизи Малого зала Филармонии, где расположились многочисленные художники, выставившие на продажу свои незамысловатые творения.

Некоторые уличные мастера кисти и карандаша предлагают прохожим за пятнадцать минут написать портрет (сходство гарантируется!), другие пытаются продать туристам гляцевые ученические пейзажи с изображением Смольного собора или Спаса на Крови. Кто-то промышляет посредственными копиями классики – от «Блудного сына» Рембрандта до «Голубых танцовщиц» Дега. Более поздние произведения художников двадцатого века спросом не пользуются.

Одним прекрасным летним днем на этом пяточке по *солнечной стороне* среди таких же «живописцев с большой дороги» стоял коренастый мужчина лет сорока пяти, с артистической остроконечной бородкой и лихо закрученными усами, в заломленном на левое ухо несколько потертом берете и в поношенном бархатном пиджаке. Он безуспешно пытался продать пару натюрмортов и портрет красивой охотничьей собаки, но покупателей на эти произведения не находилось. Впрочем, художник не очень расстраивался: погода была хорошая, и он вел неспешный разговор с коллегой, подставив лицо солнцу.

– Нет, Виталя, – говорил он своему соседу, мрачному долговязому типу в кожаной безрукавке, – ты как хочешь, но падение культурного уровня общества коренится не только в телевидении, но и в готовности людей искусства торговать своим талантом! Вот, например, мы с тобой, вместо того чтобы создавать бессмертные шедевры, малюем в угоду публике этот ширпотреб... – С этими словами он ткнул пальцем в картину Витали, где были изображены два помойных кота, изготовившихся к битве.

– Мы-то малюем, – тяжело вздохнул Виталя, – да вот публика что-то не спешит покупать этот, как ты выразился, ширпотреб...

– А вот это-то, Виталя, и есть главная трагедия человека искусства! – воскликнул обладатель бородки. – Он готов торговать талантом, а покупателей-то и нет...

Он хотел развить свою мысль, но тут как раз появился долгожданный покупатель. По крайней мере, остановившийся возле художника мужчина выглядел вполне обеспеченным. Причем с отпечатком заграницы. Хотя в наше время соотечественник может быть куда богаче любого иностранца, но иностранцы, как правило, охотнее покупают картины уличных художников.

– Вас что-то интересует? – оживился художник. – Пейзаж? Натюрморт? Портрет? Если натюрморт – это двести баксов, если пейзаж – двести пятьдесят, а если портрет...

– Интерьер, – ответил незнакомец без всякого акцента, – то есть картина, изображающая комнату со всей обстановкой...

– Я знаю, что такое интерьер! – слегка обиделся художник. – Но у меня, к сожалению, сейчас нет ни одного законченного. Был один, да я его только вчера продал одному нефтянику из Тюмени...

Разумеется, это являлось ложью, но ложью вполне простительной. Как известно, главное правило торговли – не обманешь, не продашь.

– Меня не интересует готовый интерьер! – прервал его незнакомец. – Мне нужно, чтобы вы нарисовали мою комнату. Это здесь, неподалеку, на Мойке...

– Ну что ж. – Художник солидно кивнул. – Значит, на заказ? Можно и на заказ, только, уважаемый, это будет немножко дороже...

– Цена не имеет значения! – Заказчик пренебрежительно махнул рукой. – Пойдемте со мной, я покажу вам свою комнату...

– Одного сеанса не хватит! – предупредил его художник.

Затем он повернулся к соседу и сказал:

– Ну, Виталья, ты все равно тут стоишь, пригляди за моими работами. А я часа через два вернусь...

Заказчик уже шагал вперед, не оглядываясь, так что художнику пришлось изрядно поднажать, чтобы не упустить его из виду. Вскоре он понял, что незнакомец, которого он сперва принял за иностранца, настоящий старожил Петербурга. Свернув в один из близлежащих дворов, он уверенно шел по их лабиринту, то и дело сворачивая и меняя направление, так что скоро художник понял, что окончательно заблудился.

Вначале дворы были чистые и нарядные, недавно вымощенные тротуарной плиткой. Повсюду стояли стильные кованые фонари и скамейки, а кое-где даже разбиты цветники. Однако вскоре благолепие кончилось и начались дворы самые обыкновенные, в меру грязные, в меру запущенные, покрытые растрескавшимся асфальтом и лишенные таких архитектурных излишеств, как скамейки и фонари. Наконец пошли уже такие дворы, которые и дворами-то назвать язык не поворачивался – жуткие колодцы без всякого асфальта, заросшие чахлой травой и заваленные строительным мусором.

– Эй, уважаемый! – окликнул художник своего проводника. – Куда это мы идем? Далеко еще? Вы же говорили, что ваша квартира на Мойке!

– Скоро уже дойдем! – отозвался незнакомец каким-то странным голосом, как будто он говорил из железной бочки или из гулкого сводчатого подземелья.

У художника вдруг возникло странное ощущение, что он оказался уже не просто в лабиринте незнакомых дворов, а вообще в чужом городе или даже в чужом, незнакомом времени. Ему вдруг померещилось, что на дворе стоит не двадцать первый век, и даже не двадцатый, а конец девятнадцатого...

– Куда это мы забрели... – проговорил он с опаской, не обращаясь к своему странному спутнику, а как бы разговаривая с самим собой. – Я здесь и не был никогда...

Ему уже совсем расхотелось получить выгодный заказ. Он предпочел бы сейчас стоять на *солнечной стороне* Невского и рассуждать с Виталеем на тему культурной деградации общества.

– Уже совсем скоро, Михаил Леонидович! – отозвался его провожатый, замедляя шаги и покосившись на художника.

«Откуда он знает мое имя? – подумал тот удивленно. – Я же его, кажется, не называл... или Виталья назвал меня при нем? Так не по отчеству же!»

Они вошли в очередной двор. Справа была крутая выщербленная лестница, ведущая вниз, в глубину, к темной подвальной двери, и Михаилу Леонидовичу показалось, что в тем-

ноте перед этой дверью лежит неживое скорченное тело. Он не стал проверять свою неприятную догадку, а взглянул прямо перед собой.

Впереди высилась полуразрушенная кирпичная стена, перегораживающая проход. Дальше пути не было.

– Куда же теперь? – испуганно произнес художник. – Никак заблудились!

– А теперь уже пришли, – ответил ему незнакомец, и на лице его появилась нехорошая улыбка. – Вы-то уж точно пришли, Михаил Леонидович!

– Да что вам надо? – Художник попятился и завертел головой в поисках выхода. Выхода, однако, не наблюдалось.

Незнакомец тем временем приблизился к нему мягкой опасной походкой и запустил правую руку в карман. Отчего-то художнику стало дурно, под ложечкой у него противно засосало.

– Вы что, думаете – у меня деньги есть? – проговорил он, неловко отступая. – Думаете, я и вправду нефтянику картину продал? Пошутил я! Если бы я, уважаемый, взаправду срубил денег, не стоял бы я на Невском, а уехал бы на этюды, на остров Валаам или на Соловки! Там в эту пору такая красота...

Он думал отвлечь незнакомца разговором и улизнуть от него. Однако, когда он резко развернулся и бросился наутек, опасный незнакомец каким-то непостижимым образом оказался у него на пути. Теперь рука его была не в кармане, а сбоку, занесенная для удара. И в этой руке что-то страшно и тошнотворно блестело.

– Куда же вы, Михаил Леонидович? – проговорил незнакомец вполголоса и обхватил художника свободной рукой, как будто встретил своего лучшего друга. – Куда же вы так спешите? Некуда вам спешить!

Он коротко взмахнул правой рукой, и что-то острое вошло под ребра художнику. Незнакомец прижал его к себе еще теснее в этом смертельном объятии, и Михаил Леонидович ощутил страшный холод, который растекался по всему телу, подбираясь к самому сердцу.

– Вот так, вот так! – заботливо проговорил убийца и медленно повел художника к подвальной лестнице. – Вот так, хорошо... потерпите еще немножко, совсем немножко... скоро все кончится!

И он не обманул: все и впрямь очень скоро кончилось, и Михаила Леонидовича приняла огромная уютная тьма небытия. Только в самый последний миг он успел понять за что...

Убийца подтащил обмякшее тело к лестнице и толкнул его вниз.

Потом осмотрел свою одежду.

Каким-то удивительным образом он сумел не испачкаться в крови.

Удовлетворенно улыбнувшись, убийца отряхнул пиджак и направился в обратный путь – на *солнечную сторону* Невского.

Великий австрийский композитор Йозеф Гайдн, прежде чем приступить к сочинению музыки, непременно надевал парадный камзол и пудренный парик, как будто направлялся на прием к высокопоставленной особе. Он говорил, что музыка – самая высокопоставленная особа в мире и встреча с ней должна быть не менее торжественной, чем прием у короля или императора.

Реставратор и искусствовед с мировым именем Дмитрий Старыгин относился к своей работе с неменьшим почтением, однако, прежде чем приступить к реставрации очередного шедевра, облачался не в парадный костюм, а в потертую рабочую куртку в застарелых пятнах краски. Дело здесь не в меньшем уважении, а в том, что работа реставратора, в отличие от сочинения музыки, довольно грязная, мастеру приходится иметь дело с красками и растворителями, с пыльными холстами и изъеденными жучком старыми досками.

Переодевшись в рабочую одежду, Дмитрий Алексеевич снял покрывало из небеленого холста, которое закрывало картину, со вчерашнего дня стоявшую на мольберте у него в рабо-

чем кабинете. Эта картина поступила в Эрмитаж несколько лет назад из частного собрания, и теперь, наконец, попала в руки Старыгина.

Картина была небольшая и настолько потемнела от времени, что только при очень ярком освещении просматривались детали. В центре холста изображалась группа людей, по всей видимости, от кого-то убегающих. Справа, в том направлении, куда бежали эти люди, смутно проступало какое-то темное пятно – то ли гранитная скала, то ли мрачная каменная постройка.

Старыгин начал с того, что прошелся по картине ватным тампоном, смоченным в растворе, который снимал многолетние наслоения жира и копоти, не повредив красочный слой. Работа эта была кропотливая, но довольно простая. Он осторожно протирал картину сантиметр за сантиметром, начиная с правого верхнего угла.

Под умелыми руками реставратора постепенно проступили тяжелые мрачные облака, дальние холмы с темными купами деревьев, среди которых виднелась ветряная мельница. Спустившись ниже, Дмитрий Алексеевич приступил к очистке смутного пятна, которое он сначала принял за скалу. Теперь, сняв слой копоти, он понял, что каменная громада представляет собой мрачную башню, увенчанную квадратными зубцами и неровными отверстиями бойниц. В башне были открытые ворота, которые как бы поджидали бегущих людей.

Старыгин продолжил расчистку холста и вскоре разглядел более мелкие подробности.

Над открытыми воротами виднелся каменный щит, разделенный надвое наклонной полосой. В одной части щита был изображен геральдический орел, в другой – рука, сжимающая короткий меч.

Дмитрий Алексеевич порадовался тому, что живописный слой в этой части хорошо сохранился, его достаточно будет немного оживить и заново покрыть специальным лаком.

Теперь он перешел к центральной части холста, к тому месту, где изображались бегущие люди.

Здесь повреждений оказалось больше. Ему, однако, удалось разглядеть костюмы людей. Среди них был и простолюдин в бедной поношенной одежде, и монах в грубой, подпоясанной веревкой рясе, и знатный вельможа в расшитом золотом камзоле, и дама в длинном бархатном платье... Объединяло их только одно – стремительный бег к распахнутым воротам башни и ужас, с которым они оглядывались на нечто, неумолимо настигавшее их, движущееся за ними по пятам...

Однако в левой части картины, за спинами бегущих, не было ничего, кроме мощенной камнем дороги да кустов по ее сторонам.

Старыгин задумался.

Отчасти картина напоминала известный средневековый сюжет, так называемую Пляску Смерти. В средневековой Европе создавалось множество таких картин, символизовавших тщету земных надежд и устремлений и равенство людей перед лицом неизбежного конца.

Обычно на этих картинах изображали хоровод, в котором, дружно взявшись за руки, танцевали люди разных сословий – крестьяне и купцы, дворяне и священники, епископы и короли. Танцоров держал за руки танцующий, ухмыляющийся скелет, костлявой рукой ведущий человека в бесконечном танце к единственной общей цели – к могиле...

Одной из самых известных картин с таким сюжетом была Пляска Смерти в церкви на старинном парижском кладбище Невинно Убиенных Младенцев. Однако до наших дней эта картина не сохранилась, как и само кладбище.

Прекрасно сохранившаяся Пляска Смерти есть сейчас в Эстонии, в таллинском соборе Нигулисте.

Впрочем, картина, которую разглядывал сейчас Дмитрий Алексеевич, заметно отличалась от Пляски Смерти – здесь не было скелетов, и люди не танцевали в бесконечном бессмысленном хороводе, а в ужасе от кого-то убегали...

От кого же?

При этой мысли Старыгин почувствовал какое-то странное беспокойство. Ему вдруг показалось, что от ответа на этот вопрос многое зависит, в том числе и для него самого...

Дмитрий Алексеевич почувствовал легкое головокружение, стены кабинета поплыли перед ним, однако он быстро справился с дурнотой, на мгновение прикрыв глаза.

Видимо, подумал он, всему виной духота в мастерской и резкий запах растворителя. Впрочем, с этим он ничего не мог поделать: старые картины боялись сквозняков и перемены температуры.

Старыгин взглянул на часы и с удивлением увидел, что рабочий день подходит к концу. Он поработал бы еще, но в последнее время служба безопасности Эрмитажа не разрешала сотрудникам надолго задерживаться на рабочих местах, опасаясь краж музейных экспонатов. Кроме того, сегодня Дмитрий Алексеевич спешил: его пригласили на вернисаж в одну из крупных художественных галерей.

«Опоздаю, ох опоздаю к началу! – сокрушался Дмитрий Алексеевич, тоскливо созерцающая огромную пробку, растянувшуюся на набережной Фонтанки. – Как неудобно, Лешка обидится... надо было выехать пораньше...»

Лешка, то есть Алексей Топорков, конечно, не обиделся бы на своего старинного приятеля. А они были знакомы бог знает сколько лет, с самой юности. Просто сегодня у Алексея особенный, торжественный день – в художественной галерее «Гиперборей», что на набережной реки Фонтанки, открывается его очередная персональная выставка. И Старыгину очень бы хотелось попасть к началу. Хотя и не любил он все эти торжественные речи, спичи и тосты, но на открытие выставки приедет телевидение, и для Алексея будет полезно, если он, Дмитрий Старыгин, реставратор и искусствовед с мировым именем, произнесет вступительное слово и со знанием дела похвалит его картины. Тем более что и душой кривить не надо, Алексей – действительно замечательный художник, Старыгину его работы очень нравятся, а лишняя реклама никому не повредит, авось Алексею какой-нибудь выгодный заказ перепадет. Или кто-нибудь картины купит...

«Видно, не суждено сегодня на открытие попасть, – уныло констатировал Старыгин, – набережная Фонтанки – это просто ужас какой-то! В любой час суток здесь огромные пробки! А как иначе в галерею проехать?...»

Водители соседних машин уже и нервничать перестали. Кто-то мирно подремывал, кто-то читал газету, один мужчина – молодой, с аккуратно подстриженными усами – в упоении слушал классическую музыку. Великий тенор Лучано Паваротти пел свою знаменитую арию из «Тоски». На лице водителя отражалось явное наслаждение. С другой стороны мордатый тип глядел из окна красного «лексуса» на проходящих женщин с неменьшим удовольствием. Старыгин невольно усмехнулся, посмотреть, конечно, было на что.

Конец июня, в городе чудесная погода, и глаз радуют яркие наряды и загорелые стройные ножки.

Он поглядел на часы – так и есть, опоздал. На вернисаже обещал появиться какой-то важный чиновник из Комитета по культуре, так что задерживать открытие не станут, начнут вовремя. Вот если только телевизионщики тоже в пробке стоят... Но надеяться на такое значило бы сильно переоценивать силы судьбы и собственное везение. Неудобно как перед Лешкой...

Вот, тронулись, кажется... Любитель классической музыки очнулся и вырулил в ближайший переулок, Старыгин от отчаяния рванул за ним. Они ловко проскочили проходной двор, железные ворота которого были, можно сказать, открыты настежь. Их проржавевшие створки даже не висели на петлях, а стояли просто так, аккуратно прислоненные к стене, так что Дмитрий Алексеевич невольно вспомнил незабвенного фонвизинского Митрофанушку, с его бессмертной классификацией дверей. Выходило, что эти ворота не прилагательные, а

существительные, ибо по Митрофанушкиной классификации они существовали сами по себе, а не прилагались к стене.

Любитель оперы подмигнул на прощание задними фонарями и проехал вперед. Теперь у него в салоне пела Чечилия Бартолли. Кажется, из «Нормы»...

Старыгин снова вырулил на набережную Фонтанки. Пробка почти рассосалась.

Все-таки он здорово опоздал. Телевизионная группа уже уехала, а чиновника из Комитета по культуре и вовсе след простыл. Алексей уже принял официальные поздравления, отговорил положенные благодарности и теперь, прилично хвативши шампанского, обнимался со знакомыми художницами.

Дмитрий Алексеевич едва сумел к нему протолкаться. Лешка приветствовал его громко, сжал в медвежьих объятиях и, не слушая извинений, пытался кому-то представлять.

– Здорово все получилось, Димка, – шептал он, щекоча ухо приятеля подстриженной по случаю вернисажа бородой, – людей много, и главное, очень приличная публика, так что я очень доволен... я давно об этом мечтал...

Народу и правда набежало порядочно. Выставка занимала три просторных зала со сводчатыми потолками, посетители неторопливо перемещались от одной картины к другой без всякого порядка, толпа напоминала броуновское движение молекул. Старыгина окликнули несколько знакомых, он приветствовал их наскоро, не останавливаясь надолго. У него было важное дело.

Где-то там, в толпе посетителей, крутилась Лешкина жена Лена, и ей Дмитрий Алексеевич принес скромный букетик васильков и еще каких-то белых цветочков, похожих на звездочки или снежинки. Всем друзьям и многочисленным Лешкиным знакомым было известно, что Лена терпеть не может пышных пафосных букетов и предпочитает цветы скромные, желательно полевые.

Лену Дмитрий Алексеевич нашел в дальней комнатке, она помогала служительницам галереи разливать шампанское.

– Дима! – улыбнулась она. – Я так рада!

И было ясно, что это – не проявление вежливости, что так и есть, она действительно рада его видеть. Старыгин вручил букет и поцеловал тонкие пальцы без маникюра.

Лена тоже была художницей, но всегда держалась в тени Лешкиной славы.

– Когда же мы увидим твою собственную выставку? – спросил Старыгин, улыбаясь и отпуская ее руку.

Лена тоже улыбнулась, немного грустно. Улыбка ее лицо удивительно красила, оживали большие серые глаза, наполняя все лицо светом, и Старыгин вспомнил, какой красавицей рисует свою жену Лешка на многочисленных портретах. Притом, что в жизни она выглядит очень незаметной. «Невзрачная», – говорили злые языки, но таких находилось немного, эту пару все любили.

Вот теперь можно было пройтись по залам и хорошенько рассмотреть картины.

Эта выставка посвящалась детям, Алексей специально подобрал для нее только такие картины, где нарисованы дети. Разных возрастов, за разными занятиями, но дети непременно присутствовали на каждом холсте.

При этом он рисовал детей без той дурновкусной слащавости и сусальной красоты, с какой традиционно изображает детей большинство художников. Наоборот, в его малышах проступали взрослые и часто малоприятные черты – жестокость, зависть, трусость, чванство. Дети как бы заранее примеряли на себя маски взрослых характеров, взрослых грехов и недостатков.

На одной картине дети играли с собакой, и в их лицах сквозила плохо скрытая жестокость. Несчастная собака пыталась вырваться, сбежать от маленьких мучителей, но они облепили ее, вцепившись в нее, как клещи, и со злыми усмешками таскали за уши, за хвост.

На другой картине был изображен традиционный сюжет – в первый день Нового года дети разбирали сложенные под елкой подарки. И здесь внимание Старыгина привлекло лицо крохи на первом плане, который с завистью смотрел на чужой подарок и, кажется, задумывал какую-то мелкую пакость...

Вообще, Дмитрий Алексеевич понял, что новая Лешина манера напоминает ему немецких художников-экспрессионистов первой трети двадцатого века. Те же яркие, резкие, выразительные мазки, контрастные ядовитые цвета, а самое главное – создаваемое картинами ощущение мучительной тревоги и беспокойства. Только если немецкие художники, особенно Отто Дикс, рисовали откровенные уродства – инвалидов без рук и ног, пьяных солдат, нищих, старых потаскух, то Алексей Топорков достигал того же тревожного ощущения, изображая внешне вполне благополучные сцены.

Остановившись вблизи одной из картин, которая отчего-то особенно привлекла его внимание, Дмитрий Алексеевич увидел перед ней молодую женщину.

Несомненно, ее лицо не было ему знакомо, он видел его впервые, однако оно чем-то привлекло его, заставило внимательно приглядеться к незнакомке.

Гладкие темные волосы, стянутые в тугий узел на затылке, длинная гибкая шея, точеный профиль...

Женщина почувствовала его взгляд и повернулась. Дмитрий Алексеевич невольно залюбовался изящным движением и не успел отвести глаза, хотя и понимал в глубине души, что пилиться на незнакомую даму неприлично.

Высокие бледные скулы придавали ее лицу выражение задумчивое и печальное. Широко расставленные большие глаза были удивительного, неуловимого цвета – они казались то зелеными, как морская вода в полдень, то лиловыми, как небо перед грозой.

Женщина окинула Дмитрия Алексеевича рассеянным взглядом и отвернулась к картине. Старыгин тоже перевел взгляд на полотно, но вдруг глаза заволокло серым туманом и на всем теле выступила мгновенная испарина. На какую-то долю секунды он даже почувствовал, что плитки пола уходят из-под его ног, и хотел за что-нибудь ухватиться, но нет, все встало на место.

Сердце Старыгина забилося часто и неровно, ему на мгновение не хватило воздуха, во рту пересохло.

Внезапно он вспомнил летний день в далеком детстве.

Маленький Дима шел по сосновому лесу, величественному и просторному, как готический собор. Стройные колонны сосен возносились к небу, наполняя пространство тихим гулом. Разогретый лесной воздух сладко пах смолой и медом.

Вдруг деревья расступились, и Дима выбрался на просторную поляну, поросшую высокой шелковистой травой. Эта трава была так хороша, она так манила его своим нежным, вкрадчивым шорохом... Дима словно услышал ласковый голос этой травы, тихо зовущий его по имени. Ему захотелось пройти по траве босыми ногами, лечь в нее, перевернуться на спину, глядя в стремительно несущиеся облака...

Он шагнул вперед, и вдруг нога его потеряла опору, начала медленно погружаться в тряскую, зыбкую почву.

Дима вспомнил, что соседские мальчишки часто рассказывали ему о таящемся в глубине леса Приманчивом болоте. Болоте, которое нежным голосом заманивает путников, чтобы поглотить их в своей бездонной глубине...

Дима вскрикнул, выдернул ногу из трясины и бросился прочь.

Почему ему сейчас вспомнилась та давняя история?

Он поискал глазами ту женщину, которая только что так взволновала его, но она пропала, смешавшись с толпой любителей искусства.

Мимо проходила служительница галереи с подносом. Старыгин взял бокал шампанского и выпил его, не почувствовав вкуса и совершенно позабыв, что приехал сюда на машине. Будучи за рулем, он не позволял себе спиртного. Однако сейчас от легкого вина ему стало легче, сердце забилось ровнее, и беспричинная печаль сменилась лихорадочным оживлением.

Тут на него налетело что-то большое, шуршащее шелком и пахнущее резкими духами.

– Димка! – зарокотал низкий голос над ухом, так что захотелось зажать уши и спрятаться куда-нибудь в уголок.

Не тут-то было. Перед Старыгиным высилась огромная туша, задрапированная в яркий полосатый шелк, которого хватило бы на несколько пляжных тентов. Тушу звали Алевтина Тепличная. Когда-то давно они с Дмитрием учились в Академии художеств, но с третьего курса Алевтина ученье бросила и пошла в свободные художники. И с тех пор обязательно появлялась на каждом вернисаже, на каждой тусовке. И везде ее было много. Да еще эти полосы на платье...

Платьем то, что было надето на Алевтине, назвать мог только такой деликатный человек, как Старыгин. На самом деле это был огромный кусок ткани, обернутый вокруг необъятной Алевтининой фигуры, как это делают чернокожие женщины. Наряд довершал такой же полосатый тюрбан на голове. Но на этом сходство с жительницами африканского континента и заканчивалось. Вместо темной гладкой кожи, пышных черных волос и ярких глаз с голубыми белками у Алевтины наличествовали жидкие рыжеватые волосики, маленькие бесцветные глазки с коровьими ресницами и рыхлое тело необъятных размеров.

Она прижала Старыгина к мягкому животу и никак не хотела отпустить.

– Ну, успех-то какой, а? – гудела она. – Вот уж Лешке свезло так свезло...

Сказано это было без всякой зависти – этим недостатком Алевтина не страдала. Сама она всю жизнь писала добротные, качественные пейзажи. И называла свои работы просто и незатейливо: «Знойный полдень», «Яблони в цвету», «Грибной дождик»...

Знающие люди отмечали в ее работах глубину светотени, особую прозрачность дождевых струй, удачно переданную хрупкость цветочных лепестков, но злые языки называли работы Алевтины совковой замшелостью, они не пользовались спросом. Только в последние годы творчество Алевтины Тепличной стало популярно, богатые люди стали покупать ее пейзажи для украшения своих загородных домов, квартир и офисов. Никакого авангарда, все ясно и понятно – речка, кустики, солнышко светит, радуга горбатится...

– Здравствуй, Аля. – Старыгин деликатно, но настойчиво высвободился из жарких объятий. – А ты Алексея-то видела? Поздравила его с таким успехом?

– Куда там! – прогудела Алевтина. – Девками весь обвешанный, по сторонам не смотрит...

За пестрым тюрбаном мелькнул стройный силуэт, женщина, заинтересовавшая Старыгина, переходила в другой зал. Дмитрий попытался Алевтину обойти, но эту задачу мог успешно решить, пожалуй, только хоккеист Павел Буре. Старыгин метнулся вправо, потом влево и со вздохом оставил свои попытки.

– Выпьем? – вопросительно прогудела Алевтина. – Тут еще много шампанского осталось!

– Да я за рулем! – буркнул Старыгин, с сожалением провожая взглядом исчезающий силуэт.

– Вот незадача! – Алевтина не сильно огорчилась. – Ну ладно, пойду девок расшвыряю и с Лешкой выпью. Прощай, Димыч, не поминай лихом!

– Будь здорова! – рассмеялся Старыгин, на Алевтину было невозможно сердиться.

Он пересек зал и был перехвачен старым коллекционером Матвеем Виссарионовичем, который втянул его в длинный занудный спор о современном искусстве вообще и о творчестве Топоркова в частности. Дмитрий Алексеевич невежливо вертел головой во время спора, отвечал невпопад и наконец сумел улизнуть, соврав, что пойдет поищет шампанского.

Интересующая его дама пропала, наверно, уже ушла. Старыгин сам удивился, до чего его расстроила эта мысль. Однако следовало все же рассмотреть все картины. Когда еще увидишь работы приятеля в таком полном объеме.

Старыгин перешел в другой зал, и его взгляд сразу же приковала большая картина, висящая прямо напротив двери. Как и на всех остальных, на ней изображались дети, но на этот раз ощущение тревоги и дискомфорта было почти невыносимым. Впрочем, здесь для него имелись более веские причины, чем на остальных полотнах: дети здесь не развлекались и не играли. Они убегали от какой-то незримой, но грозной опасности, по-видимому, приближающейся из-за левого края холста.

Сам источник опасности не был виден, но его невидимое присутствие казалось несомненным и осязаемым. Дети, оглядываясь, в ужасе бежали прочь.

«В ожидании грозы», – было написано под картиной.

«Ну-ну, – усмехнулся Старыгин, – какая уж тут гроза, это Лешка просто так подписал...»

Тут же он вздрогнул: картина напомнила ему тот холст, который остался в его рабочем кабинете. То же ощущение нарастающей тревоги, те же убегающие фигуры, то же выражение ужаса на оглядывающихся лицах... Только на Лешкиной картине не было распахнутых ворот, куда могли бы скрыться беглецы от неотвратимо приближающейся опасности...

Конечно, это было совершенно случайное совпадение – похожее расположение фигур, похожее выражение лиц и, как следствие, создаваемое картиной близкое настроение...

– Здесь не хватает башни!.. – раздался вдруг совсем рядом взволнованный тихий голос.

– Что?! Какой башни? – Старыгин оглянулся и увидел ту самую незнакомку, с которой он уже сталкивался сегодня. Ту, которую искал по всем залам, боясь самому себе в этом признаться.

Лицо ее выражало тревогу и волнение, голос был низкий, грудной, волнующий. Глаза были сейчас того насыщенного фиолетового оттенка, который напомнил Старыгину цвет предгрозового неба.

– Какой башни? – повторил Дмитрий Алексеевич, пристально разглядывая женщину.

Теперь, когда она заговорила с ним, это больше не казалось ему неприличным.

Впрочем, он не был уверен, что незнакомка говорила с ним – скорее, она разговаривала сама с собой, отвечала своим собственным сокровенным мыслям. Во всяком случае, она взглянула на Старыгина удивленно и переспросила:

– Что вы сказали?

– Это вы сказали, что здесь не хватает башни. Какую башню вы имели в виду?

Женщина встряхнула головой, как будто пробуждаясь ото сна, и проговорила немного виновато:

– Сама не знаю... мне почему-то показалось, что здесь, в правом углу картины, должна быть башня с распахнутыми воротами... мрачная, массивная крепость... а дальше, в глубине и чуть выше, лесистый холм и ветряная мельница...

Проговорив это как будто против своей воли, женщина закусила губу и поднесла тонкую руку к виску, словно внезапно почувствовала невыносимую боль. На лице ее проступило выражение смущения и недовольства, как если бы она сказала что-то лишнее и теперь стыдилась собственных слов или выдала постороннему человеку свою сокровенную тайну...

Она отвернулась и хотела скрыться в толпе, но напоследок бросила на Старыгина взгляд.

И от этого взгляда у него мучительно защемило в груди, как будто он вспомнил что-то давно забытое, безвозвратное, вспомнил утраченную юность...

И еще – этот взгляд был неуловимо похож на те взгляды, что бросали через плечо убегающие дети на Лешкиной картине. Или взрослые люди на старом итальянском холсте, который Старыгин оставил у себя в рабочем кабинете. В этом взгляде сквозил страх перед приближающейся опасностью... но теперь Старыгин понял кое-что еще: это был страх не только перед

чем-то ужасным, что надвигается извне, но и перед тем, что скрывается внутри собственной души...

– Пойдите! – воскликнул Старыгин и шагнул вслед за незнакомкой. – Вы должны рассказать мне...

– Рассказать? Что? – резко бросила она, замедлив шаги и по-прежнему глядя на Дмитрия через плечо.

– Рассказать про картину... откуда вы про нее знаете?

– Я ничего не знаю, – возразила женщина, но внезапно остановилась и пристально взглянула на Дмитрия Алексеевича. – Про какую картину вы говорите?

– Про ту, где есть башня, и ветряная мельница, и люди, убегающие от чего-то ужасного...

Она взглянула на него фиолетовыми, почти черными глазами и плотно сжала губы.

– Послушайте! – растерялся Дмитрий Алексеевич. – Я вовсе не хотел вас испугать, вы сами начали этот разговор.

– Мне нужно идти, – произнесла она сухо, едва разлепив губы, – уже поздно...

Дальнейшее преследование незнакомой женщины было уже совершенно неприемлемым. Старыгин вздохнул и отвернулся. И тут же подскочил Алексей.

– Димка, ты с нами? – закричал он. – Тут недалеко Ленка ресторан заказала!

– Да я... – растерялся Старыгин.

– Вы, девушка, тоже идите с нами! – гаркнул Лешка. – Заодно и познакомимся!

Незнакомка улыбнулась. Стали видны легкие морщинки вокруг глаз, а сами глаза показались немного меньше, и Дмитрий Алексеевич отметил, что она гораздо старше, чем показалась ему вначале. Но какое это имело значение?

– Вы и вправду такой близкий друг героя дня? – спросила незнакомка.

Старыгин подтвердил, что так оно и есть. Хотя на самом деле в ее вопросе звучал иной смысл: может ли она ему доверять. И Старыгин дал понять, что может.

– Так что там с картиной? – спросила она. – Отчего вы так взволнованы?

– Дело в том, что я реставратор... – проговорил Старыгин и назвал свое имя.

При этом в глазах женщины ничего не отразилось – видимо, его имя ничего ей не говорило. Дмитрий Алексеевич рассказал ей о картине, реставрацию которой начал только сегодня, о ее удивительном сходстве с Лешинной картиной и об их значительных отличиях. О той самой башне, к открытым воротам которой бегут перепуганные люди на итальянской картине, о лесистом холме с ветряной мельницей, о мрачных грозовых облаках...

Он говорил ярко и увлекательно. Ему хотелось понять, объяснить для себя удивительное совпадение – но дело было не только в этом. Ему хотелось как можно дольше смотреть на эту женщину, хотелось быть рядом с ней, слушать ее волнующий грудной голос, видеть ее удивительные глаза...

– Странно, – проговорила она, выслушав его рассказ, – мне кажется, такого просто не может быть...

– Но тем не менее это так!..

– Может быть, вы все это только что выдумали? – в ее голосе прозвучало недоверие.

– Выдумал? Но для чего? – Старыгин удивленно взглянул на незнакомку.

– Не знаю... – она пожала узкими плечами, смущенно потупилась. – Сама не знаю, что я сегодня говорю... но все это так странно... эта картина... Мне кажется, я уже видела ее...

Старыгину вдруг показалось, что все это когда-то уже было – залы, полные людей, ровный гул голосов, и женщина с удивительными, то и дело меняющими цвет глазами. Это было как сон, как наваждение. Он попытался сбросить наваждение, взять себя в руки – и внезапно это ему удалось.

Он стоял рядом с незнакомой женщиной посреди опустевшей галереи.

Посетители уже разошлись, даже Леша с женой уехал, видимо, отправился-таки в ресторан отмечать удачное открытие выставки. Только усталая и озабоченная сотрудница галереи обходила залы, наводя порядок, подбирая разбросанные конфетные фантики и одноразовые пластмассовые стаканчики, нетерпеливо поглядывая на задержавшихся посетителей.

– Извините, – смущенно сказал ей Дмитрий Алексеевич. – Мы уже уходим!

Он повернулся к странной незнакомке и спросил ее:

– Куда вас проводить?

– Не сочтите меня невежливой... – начала она, и Старыгин уверился, что дама сейчас отошлет его весьма твердо.

Что ж, он не ловелас и не дамский угодник, не в его правилах бросаться на каждую маломальски привлекательную женщину, встреченную на модных тусовках и вернисажах. Незнакомка заинтересовала его в профессиональном плане – ей точно что-то известно о той картине, реставрацией которой он в данный момент занят. И ему просто необходимо выяснить что.

Тут Дмитрий Алексеевич пытался обмануть сам себя, потому что, кроме профессионального, он питал к незнакомке интерес личный. Проще сказать, она не то чтобы понравилась ему с первого взгляда, но, несомненно, привлекала его чем-то, чему он не мог дать объяснения.

Если бы у Старыгина нашлось время для самоанализа, он бы очень удивился своему нынешнему состоянию. Вроде бы не мальчик уже – сорок три года, да и раньше не страдал чрезмерной влюбчивостью даже в юности.

Отношение свое к женщинам Дмитрий Алексеевич определил раз и навсегда. Он их не чурался, но ни одну не подпустил к себе слишком близко, ни одной не позволил занять в своей душе больше места, чем хотел сам. Надо сказать, дамы это чувствовали и не делали попыток повернуть ситуацию в свою пользу.

Если же незнакомка не хочет даже назвать своего имени, стало быть, на продолжение знакомства нечего и рассчитывать.

– Я мог бы вас подвезти, – произнес Дмитрий Алексеевич отстраненно-вежливо.

В самом деле, пускай она не думает, что он – легкомысленный пристава, он – приличный человек и, кстати, очень занятой. Сегодня, впрочем, как и всегда, у него был напряженный день, Старыгин торопился на вернисаж и не успел перекусить даже в обед, потому что неожиданно вызвали к музейному начальству. В отделе рукописей старая знакомая, Танечка, угостила его кофе с печеньем. Дмитрий съел за разговором всю пачку, хотя неоднократно давал себе слово ограничить мучное. Отказаться совсем от сладкого было выше его сил. Кофе у Татьяны оказался жидкий, но хоть горячий.

А на вернисаже голодные художники мигом расхватили все бутерброды с красной рыбой и полукопченой колбасой, он и мигнуть не успел.

Внезапно он осознал, что ужасно устал, хочет поесть чего-нибудь сытного и горячего. А потом завалиться на мягкий диван с книгой и котом Василием под боком. Кстати, кот давно уже его ждет, голодный и одинокий, и по возвращении выскажет Дмитрию Алексеевичу все, что думает о легкомысленных хозяевах, которые бросают домашних животных на произвол судьбы.

– Пойдемте! – Старыгин направился к выходу.

У двери воспитание все же одержало верх, и он остановился, чтобы пропустить даму вперед. Молча они прошли до того места, где Старыгин оставил машину. Он представлял, как женщина сейчас поднимет брови в пренебрежительном, высокомерном удивлении, увидев его далеко не новые «жигули», но его ожидал более неприятный сюрприз. Чей-то джип «лендкрюзер» полностью перегородил выезд его машине.

– Вот тебе и на! – только и вздохнул Старыгин. – Выходит, я теперь без колес!

Он виновато развел руками и подумал, что все к лучшему – все же он выпил бокал шампанского на вернисаже, так что за руль лучше не садиться. Он сделал несколько шагов к проезжей части, чтобы поймать даме такси, но тут она тронула его за рукав.

– Простите меня, я, наверное, кажусь вам ужасно назойливой, – проговорила она неуверенно.

Настал черед Старыгина недоуменно поднимать брови.

Она помолчала, кусая губы в сомнении, потом, видимо, решилась и подняла глаза, которые сейчас, на улице, казались зеленоватыми, как прогретая полуденным солнцем морская вода.

– Мы могли бы поговорить в спокойном месте? Мне нужно многое вам рассказать...

– С удовольствием! – Старыгин не смог сдержать удовлетворенной улыбки.

Так уж получилось, что улыбка его действовала на женщин всегда одинаково – они проникались доверием и начинали рассказывать ему всю свою жизнь. Не всегда это было кстати.

Старыгин подал даме руку, и они пошли не спеша. Был тихий летний вечер, солнце неторопливо опускалось за дома к горизонту, как средневековый алхимик, превращая стекла нарядных зданий в жидкое золото. Облака были подсвечены розовым.

Дмитрий Алексеевич подвел свою спутницу к маленькому уютному кафе, расположенному в тихом переулке неподалеку от набережной Фонтанки.

Кафе было с заметным уклоном в итальянскую кухню. Дмитрий Алексеевич вообще по роду деятельности тяготел ко всему итальянскому – опере, архитектуре, машинам «ламборджини», карпаччо из тунца и капучино.

Он выбрал столик на двоих внизу, в подвальном этаже, где стены были расписаны сценами из итальянской комедии дель арте.

– Мне только кофе, – сказала незнакомка, отодвигая меню, принесенное официантом.

Жест был очень естественным и грациозным, и Дмитрий Алексеевич невольно залюбовался.

«Кто же она такая? – задумался он. – Судя по худобе, грациозности и отсутствию аппетита, наверно, балерина».

Он представил себе незнакомку на сцене – гибкая фигура, длинная шея, гордая посадка головы...

От таких приятных мыслей Старыгина отвлекло вульгарное бурчание в животе. Организм недвусмысленно давал понять, что его баснями не кормят.

Дмитрий Алексеевич с удовольствием съел бы сейчас полную тарелку спагетти с морепродуктами. Или со сливочным соусом. Или же пускай принесли бы им на двоих огромную пиццу с ветчиной, оливками и анчоусами.

После долгих уговоров настойчивого официанта дама согласилась съесть диетический десерт, а Старыгин взял себя в руки и заказал горячий бутерброд с ветчиной и сыром, чтобы не показаться малознакомой женщине чревоугодником и обжорой.

– Итак, – сказал он, делая над собой усилие, чтобы не глядеть на соседний столик, куда принесли тарелки с лазаньей и тортellini, – я вас слушаю.

– Прежде всего давайте познакомимся. – Она улыбнулась смущенно. – Ваше имя я знаю, а меня зовут Лидия, Лидия Грин... Да, – она порылась в сумочке и протянула ему визитку, – я приехала из Штатов...

Старыгин мельком глянул на карточку – ну да, там напечатано по-английски, миссис Лидия Грин, что-то там еще и адрес, он успел разобрать только Бостон.

Принесли дымящийся бутерброд, но Старыгин вскоре позабыл про еду, потому что история, рассказанная Лидией, откровенно говоря, была мало похожа на правду.

Лидия приехала в Бостон примерно пять лет назад, а до этого жила в Петербурге, где и родилась. Родители ее развелись, когда ей было тринадцать лет, и разъехались по разным

городам, ребенка подбросили бабушке с дедушкой. Лидия окончила хорошую школу, поступила в институт...

– В какой? – неожиданно спросил Старыгин.

Она замолчала недоуменно, потом покачала головой немного виновато.

– Наверно, это неважно, я все равно его не закончила... – неуверенно произнесла она и отхлебнула кофе.

Старыгин уткнулся в свою тарелку, чтобы она не заметила в его глазах явственного недоверия. Он был очень наблюдательным человеком, в его профессии без этого трудно достичь успеха. Он мог взглянуть на картину и сразу же определить, что перед ним шедевр – в ужасном состоянии, грязный, едва ли не разваливающийся холст, но все же когда-то его касалась рука мастера. Он мог также долго и терпеливо исследовать истинный на первый взгляд шедевр и определить качественную подделку.

В данном случае он понял, что его собеседница если не лжет, то многого недоговаривает. Уж слишком гладко она излагала свою историю, как будто заучила ее наизусть.

Справедливости ради следует заметить, что не только Дмитрий Алексеевич испытал бы сомнения, любой мало-мальски проницательный человек понял бы, что дело тут темное.

Бутерброд был уже совсем холодный, сыр застыл на нем некрасивой коркой. Старыгин отрезал кусок неудачно, так что ломтик ветчины выпал прямо на брюки.

Все это начинало уже Дмитрию Алексеевичу надоедать.

– Выслушайте меня до конца! – воскликнула Лидия, Старыгину показалось даже, что в ее голосе присутствуют беспомощные, умоляющие нотки.

Старыгин оставил попытки разделаться с бутербродом и внимательно посмотрел на свою визави. Хоть он видел ее в первый раз и знал плохо, но все же понял, что женщина очень взволнованна. Дальше выяснились удивительные вещи.

Пять с половиной лет назад Лидия попала в автомобильную аварию. Повреждения были очень тяжелые, поначалу врачи однозначно дали понять мужу, что она не выживет.

«Ах, у нас был муж, – подумал Старыгин, – это становится интересным... И где же он теперь?»

Чтобы не смущать Лидию пристальным взглядом, он уставился поверх ее головы на стену, где безутешный Пьеро в белом балахоне пел хорошенькой Коломбине в короткой пышной юбочке о своих неземных чувствах, при этом смотрел отчего-то не на предмет своей любви, а на бледную печальную луну, косо свисавшую с темного неба. Коломбина опустила глазки и из-под ресниц кокетливо посматривала на Арлекина в пестрых лохмотьях, который прятался за кустами с самым хитрым видом.

Лидия продолжала сдавленным голосом. В результате аварии она получила многочисленные и очень серьезные повреждения головы, была без сознания несколько недель, перенесла множество операций, врачи долго не давали положительного ответа и, кажется, сами удивились, когда она пришла в себя и раны зажили. Но выяснилось, что она потеряла память. Не совсем, но выборочно.

«Такое разве возможно?» – мысленно спросил Старыгин, но вслух ничего не сказал, чтобы не разорвать хрупкие нити доверия, протянувшиеся между ними.

– Все, что связано с аварией, напрочь ушло из моей памяти, – призналась Лидия, – да и события до того я помню весьма смутно. Эти полгода после аварии были очень тяжелыми. Кроме физической слабости приходилось учиться еще самым простым вещам. Понемногу память вернулась, я имею в виду обычные вещи, кое-какие знания, но все, что предшествовало аварии, я бы сказала несколько лет до нее, покрыто неизвестностью.

– А что говорят врачи? – осторожно поинтересовался Дмитрий Алексеевич.

Он допускал, конечно, что такое возможно. Но только умом. Это в западных боевиках показывают, как человек впадает в кому и находится в ней много лет. А потом очухивается

и как ни в чем не бывало идет мстить своим обидчикам. И побеждает их всех – после многолетней-то комы... Или в результате удара по голове богатенькая дамочка теряет память, и расторопному пройдошистому плотнику удастся без труда убедить ее, что они женаты много лет и имеют четверых детей.

Дмитрий Алексеевич тщательно скрывал от знакомых, что любит иногда поглядеть по телевизору боевики и комедии в компании кота Василия.

– Ну... врачи говорили, что память вернется... что, возможно, это произойдет не так скоро, как бы хотелось, а возможно, не произойдет вообще... Они, мол, сделали все, что могли, теперь нужно надеяться на скрытые резервы организма. А пока вести здоровый образ жизни, избегать стрессов, волнений и психологических травм... В общем, вы меня понимаете...

– Да-да, – рассеянно кивнул Старыгин, представив, как солидный профессор говорит гладкими обтекаемыми фразами, поднимает глаза к потолку и легонько пожимает плечами.

– И только одна пожилая докторша, которая проводила со мной сеансы в барокамере, высказалась честно, – продолжала Лидия. – Она, дескать, работает уже больше тридцати лет и за это время, нагнав на больных с травмами головы, уверилась совершенно точно: судьбой человеческой управляет кто-то свыше. Сами посудите: одному подъемным краном чуть не полголовы снесло, или же упал на камни с высоты десяти метров. И ничего – очухался, отлежался, раны зашили – и пошел он себе дальше жить-поживать, женился и детей нарожал. А другой со стула свалился или о дверной косяк головой стукнулся, и готово – инвалид на всю жизнь, разум и речь отшибло, едва может ложку ко рту поднести... Это я ее слова в точности повторяю...

– Да уж, – произнес Дмитрий Алексеевич, чтобы дать понять собеседнице, что он ее внимательно слушает. Лидия, однако, приняла его слова за выражение некоторого скептицизма и нахмурилась.

– Не смотрите так на меня, я рассказываю все как есть!

– Да что вы... – Старыгин смутился, – я слушаю вас, слушаю очень внимательно...

Он повернул голову и оглядел зал. Люди за соседним столиком поели и ушли, в углу парочка пила кофе. Девушка слизывала с ложечки мороженое и смотрела на своего спутника влюбленными глазами. На один краткий миг Дмитрий Алексеевич позавидовал их молодости и беззаботности. Ему тоже в данный момент хотелось бы спокойно сидеть, отдыхая после трудного рабочего дня, и болтать со своей спутницей о пустяках. Вместо этого он слушал какую-то несуразную и малоправдоподобную историю о потерянной памяти.

Девушка почувствовала его взгляд и повернулась. Ничего особенного: обычная смазливая мордашка, пустые глаза, дешевый макияж... Парень был ей под стать.

Старыгин тут же опомнился – какое ему дело до соседей по залу? Его привлекает именно эта женщина, что сидит за его столиком, она ему нравится, в ней есть тайна...

– Короче, та врач сказала мне, что можно уповать только на Бога. И надо смириться и жить с тем, что есть, – сказала Лидия, – в самом деле, могла ведь и жизни лишиться. Или калекой стать, а так только память пропала. И то избирательно.

– Наверно, она права, – ввернул Старыгин.

– И тогда муж решил увезти меня далеко, в надежде, что новая жизнь, новые люди, новые впечатления подстегнут память и мозг излечится... Такое бывает...

– Возможно... – снова неуверенно протянул Старыгин, – и как, помогло?

– Вы же сами видите, что нет! – в явном раздражении она повысила голос.

Дмитрий Алексеевич едва удержался, чтобы не пожать плечами. Он ничего не видел. Да и как такое можно увидеть? Ему рассказывали по меньшей мере странную историю и предлагали принимать ее на веру. Он отвернулся, чтобы Лидия не прочитала по его глазам все, что он думает о данной ситуации.

На стене справа Коломбина жарко целовалась с Арлекином, а на заднем плане Пьеро в отчаянии заламывал руки, снова глядя отчего-то не на счастливых любовников, а на луну. Луна тут не свисала печально с небосклона, а удобно устроилась меж ветвей пинии и смотрела на несчастного Пьеро с насмешкой.

– Простите меня, – заговорила Лидия после продолжительного молчания, – я веду себя... неадекватно, я же знаю. Но если бы вы только поняли...

Она смотрела на него очень серьезно, и ее голос звучал так низко, волнующе...

Старыгин тотчас устыдился своего поведения. Женщина явно в беде, у нее серьезные проблемы, а он, вместо того чтобы помочь, рассуждает скептически, дает ей понять, что не верит ни единому слову... Это недопустимо!

Тем более что она и помощи-то никакой пока не просит. Только выслушать ее, поддержать, успокоить, проявить простое человеческое участие...

Дмитрий Алексеевич хотел уже заботливо коснуться ее руки и сказать что-нибудь ласковое, сочувственное, но побоялся, что она примет его за несерьезного типа, готового воспользоваться женской слабостью, и сдержал порыв.

– В первое время в Бостоне все было хорошо, – заговорила Лидия, глядя в сторону, – новая страна, новые люди, новые впечатления... Муж много работал, я занималась домом. Я совсем не чувствовала себя чужой...

– Там было много русских?

– С соотечественниками мы почти не общались. Муж у меня врач, мы встречались с его коллегами. У меня не было проблем с языком, ведь раньше я преподавала английский...

– Вы этого не говорили...

– Ну... я этого не помню, я же говорила, что некоторые вещи выпали из памяти.

«Вот интересно, – возникла у Старыгина скептическая мысль, – не помнит, как преподавала, но язык-то не позабыла...»

Он тут же постарался отогнать эту мысль. Она не исчезла совсем, только отошла пока в сторонку.

– Физически я чувствовала себя хорошо, но некоторое время назад мне вдруг начали сниться странные сны... – говорила Лидия.

Ей снился Петербург, его улицы, площади и здания, его мосты и каналы. Конечно, не узнать город, в котором она родилась и прожила почти тридцать лет, было невозможно. Город не хотел быть забытым, не хотел отпускать Лидию и вторгался в ее сны. Все было бы вполне объяснимо – тоска по родине, детские сильные воспоминания, – если бы не мелкие поначалу странности.

Темные воды Невы покрывала плывущая сверху брюхом дохлая рыба. На носу одного из кораблей Ростральных колонн вместо обычной скульптуры красовалась голова горгоны Медузы. В знаменитой квадриге над аркой Главного штаба тоже оказалось не все ладно – вместо коней в колесницу были запряжены четыре черных козла.

Коней Клодта на Аничковом мосту сдерживали не красивые мускулистые юноши, а четыре отвратительных человеческих скелета. Волны выносили на гранитные ступени перед каменными сфинксами раздутый труп собаки. Змея под копытами коня Медного всадника не была растоптана, а ловко уворачивалась от ударов, поднималась вверх и кусала коня в шею. И вот конь уже падает на передние ноги, и всадник пытается уклониться от смертоносного жала...

– Сначала я не обращала на это внимания, потом кошмары стали повторяться все чаще, потом – каждую неделю. Я боялась засыпать. Муж заметил, что со мной что-то не так, выписал успокоительное, взял отпуск, повез меня в горы.

Свежий воздух помог, но ненадолго. От успокоительных таблеток Лидия чувствовала себя вялой и заторможенной, а кошмары не ушли, только стали какие-то неявные, расплывча-

тые. Лидия просыпалась в ужасе и отвращении, но не могла вспомнить, что же она видела. У нее началась сильнейшая депрессия. Так продолжалось несколько месяцев, ей становилось все хуже и хуже.

– И тогда я перестала принимать таблетки, – с вызовом сказала Лидия, – я решила бороться с этим самостоятельно.

«Ну не знаю», – усомнился Старыгин, но вслух опять-таки ничего не сказал.

Сны Лидии стали повторяться еще чаще, почти каждый день, без таблеток она видела их яркими и четкими, как...

– Как наяву? – спросил Старыгин.

– Нет, вы слушайте, слушайте...

В ее снах на гранитный причал возле Исаакиевской площади вылезал огромный осьминог и тянул свои щупальца к посетителям летнего ресторана на пристани. А из-за стройной колоннады Казанского собора выглядывал и вовсе жуткий монстр – огромный, одноглазый, чешуйчатый, с длинным изогнутым рогом. Люди разбегались в ужасе, а монстр двигался быстро и целенаправленно, и вот уже накалывал на свой рог какого-то бедолагу.

Или два каменных атланта, бросив портик Эрмитажа без поддержки, стояли друг против друга, скаля зубы в звериной ухмылке, и рвали на части тело женщины, попавшейся им на пути.

А на Дворцовой площади падал Александрийский столп – вдруг каменная громада раскалывалась на огромные глыбы и рушилась, придавливая кучу народа, и только ангел лежал в стороне, целый и невредимый, и дьявольски улыбался.

– Боже мой! – Лидия описывала все так ярко, так выразительно, что Дмитрий Алексеевич не мог не вздрогнуть, представив кошмарные сны наяву.

– Знаете, я переборола свой ужас и заставила себя внимательно всматриваться во все. Не упустила ни одной подробности, ни одной детали, и вот что я поняла.

Лидия посмотрела на него в упор ясными, глубокими зеленоватыми глазами.

– Только не удивляйтесь, но это были картины! – выпалила она. – Понимаете, монстры на них оживали, люди бежали, кричали от ужаса, но это были картины!

– То есть вы хотите сказать...

– Вот именно! – перебила она возбужденно. – Я видела во сне картины, много картин. Судя по всему, нарисовал их один и тот же человек, один и тот же художник, там чувствовалась одна и та же рука, одна и та же живописная манера...

– Да уж, – ввернул Старыгин, – тематика уж больно... интересная, необычная, скажем так, – вряд ли в такой манере работали многие живописцы...

– Можно предположить, что я видела когда-то эти картины, до того, как попала в аварию. Вы поймите, – заторопилась Лидия, заметив искорки вполне понятного недоверия в глазах Старыгина, – эти картины во сне... они такие точные, такие подробные, что это не может быть плодом моего воображения!

«Да отчего же? – подумал Старыгин. – Впрочем, я, конечно, не психиатр...»

– Вы считаете меня сумасшедшей, – с горечью сказала Лидия, – да я ведь и не скрываю, что после аварии не в лучшей форме. Память так ко мне и не вернулась. Если бы вы знали, как это ужасно – помнить о себе так мало! Конечно, муж рассказывал мне, но это же не то – как будто в книжке про себя прочитала. Или фильм посмотрела. Я просто не могла больше этого выносить! Ждать, когда мозг отдохнет и решит, что пора ему включаться в работу! – сказала она не своим, скрипучим голосом. – Слабое утешение!

Тут Старыгин не мог с ней не согласиться.

– Я сказала мужу, что еду в Швейцарию, там открылся новый модный курорт под Лозанной, – Лидия блеснула глазами, – а сама прилетела в Петербург.

Старыгин невольно подумал, что будь у него такая проблемная жена, он бы не стал ей доверять, а самолично препроводил до самого курорта. Или если очень занят, то уж компа-

ньонку какую-нибудь подыскал, сиделку. По телефону бы контролировал. Впрочем, кто их знает, какие у этой пары отношения.

– Я хочу найти этого художника! – страстно воскликнула Лидия.

Глаза ее отливали теперь лиловым, и их взгляд проникал Старыгину прямо в душу.

– Я думаю, что мы были знакомы с ним раньше, раз я так хорошо помню его картины! И когда я встречу с ним, это поможет мне все вспомнить!

– И как вы собираетесь это сделать? – спросил Старыгин, заражаясь ее верой.

– Боюсь, что это будет очень трудно. – Лидия сникла. – Понимаете, я ведь никого не знаю в этих кругах. Вот, пришла на выставку Алексея Топоркова... и встретила там вас...

Тут Дмитрий Алексеевич вспомнил, при каких обстоятельствах они встретились. Они стояли у Лешинной картины, где дети убегали от чего-то, что нагоняло на них ужас. И эта женщина вдруг сказала, что на картине не хватает башни. А потом слово за слово описала ту самую картину неизвестного итальянского мастера, над реставрацией которой он сейчас работает!

– Вы так и не сказали мне... – начал Старыгин, но внезапно Лидия перебила его.

– Дмитрий, вы должны мне помочь! – В голосе ее звучали слезы. Она схватила его за руку и сжала ее крепко-крепко. Пальцы у нее были тонкие и очень сильные.

– Вы всех знаете, вам не составит труда навести справки об этом художнике.

– Ну... я попробую... – От такого напора Старыгин несколько растерялся. – Правда, сведений очень мало. Можно сказать, их вообще нет. И... вы обещали, что...

– Замечательно! – Лидия улыбнулась ему мимолетно, как будто знала, что улыбка ее совсем не красит – глаза становятся меньше, и морщинки заметнее. – А теперь идемте отсюда! Идемте прочь! И обещаю вам, когда мы найдем того человека, я приглашу вас в ресторан не чета этой забегаловке!

Увидев на тарелке свой засохший бутерброд, который выглядел непристойно, Старыгин не мог с ней не согласиться, однако оставил отчего-то официанту щедрые чаевые.

Спал в эту ночь Дмитрий Алексеевич ужасно. Ночь была теплой и душевной, распахнутые окна совершенно не приносили прохлады. Донимали назойливые комары и громкая музыка из дома напротив, там вечеринка продолжалась часов до четырех, слышны были пьяные крики, тосты и оглушительный женский визг. Кто-то мучил гитару, она стонала, как недовольная кошка, так что хотелось позвонить в Общество защиты животных. Наконец кто-то из жильцов вызвал милицию, и вечеринка закончилась.

Старыгин, однако, окончательно заснул только часам к пяти утра, снилась ему незнакомая река с берегами, покрытыми экзотическими растениями, он плыл по ней на плоту, ежеминутно опасаясь нападения диких зверей и воинственных туземцев. И вдруг волны вскипели за бортом, и показалась голова огромной анаконды. Плот потерял управление и перевернулся, течение понесло Старыгина вперед. Анаконда вскоре отстала, но он не успел обрадоваться этому факту, поскольку осознал, что река несет его в сторону водопада. Был слышен его нарастающий шум. Старыгин пытался бороться с течением, но, как это бывает во сне, ничего не мог сделать. В самый последний момент ему удалось ухватиться за свисавшую над водой ветку, он подтянулся и упал на берег. Но не успел перевести дух, как из прибрежных зарослей выскочил саблезубый тигр и с рычанием поставил лапы ему на грудь.

Старыгин почувствовал, что сейчас задохнется под тяжестью тигриных лап, и проснулся.

Оказалось, что за окном бушует гроза, ослепительно сверкают молнии, грохочет гром и истерично орет сигнализация всех машин, стоявших во дворе. А на груди Дмитрия Алексеевича лежит кот Василий и трясется от страха.

Кот у Старыгина был боевой, даже слишком, как иногда думал хозяин, рассматривая очередной горшок с цветами, ловко сброшенный с подоконника, или разодранные в клочья занавески, однако грозы боялся ужасно.

Дмитрий Алексеевич несколько минут лежал тихонько, в ожидании, когда успокоится бешено бившееся сердце, затем пристроил кота поудобнее и закрыл глаза. Понемногу тревожное кошачье урчанье превратилось в уютное сонное мурлыканье, и оба – кот и хозяин – заснули крепко и без сновидений.

На следующий день приходился выходной, так что можно было заняться поисками неизвестного автора странных картин, так образно описанных Лидией, прямо с утра.

Дмитрий Алексеевич выдержал привычные капризы кота, который терпеть не мог оставаться один дома. Каким-то образом он научился отсчитывать пять рабочих дней и заранее предвкушал два выходных, когда хозяин не вскакивает с утра пораньше и не мечется по квартире в поисках чистой рубашки, натываясь на ни в чем не повинное домашнее животное и даже не извиняясь по этому поводу. В выходные можно поспать подольше, потом после сытного неспешного завтрака снова поваляться в постели. Или на диване под рыжим пледом. Дмитрий Алексеевич подбирал все покрывала под цвет кота Василия, чтобы на них не было заметно рыжей шерсти, которую кот разбрасывал вокруг себя в изобилии, особенно когда сердился на хозяина.

Сегодня кот Василий имел полное право быть недовольным. Хозяин все утро оставался рассеянным, долго думал о чем-то серьезном, барабанил пальцами по столу, и на приглашение кота погладить и пустить на колени ответил решительным отказом. Кот понял уже, куда ветер дует, и ушел обижаться под письменный стол. Однако хозяин этого даже не заметил. Полежав некоторое время на специальном коврике, который заботливый хозяин положил под стол, чтобы кот Василий мог дуться на него с некоторым комфортом, котьяр понял, что ничего не добьется, и обиделся по-настоящему. К тому времени, правда, Дмитрий Алексеевич уже ушел. Едва за ним захлопнулась дверь, кот появился в прихожей. Он потянулся, поточил когти о коврик, лежащий возле двери, царапнул отставшие обои – нехотя, без должного энтузиазма, – распушил хвост поленом и отправился подремать на диван.

У Старыгина имелось множество друзей и знакомых среди музейных работников, искусствоведов и реставраторов, но мир современной живописи он знал гораздо хуже. Конечно, ему приходилось сталкиваться с владельцами галерей и ведущими художниками, но близкой дружбы с ними он не завел. Поэтому он решил обратиться к Леше Топоркову. Уж он-то свой среди представителей художественной богемы и наверняка вспомнит нужного художника!

Дмитрий Алексеевич набрал номер Лешиного мобильного, но тот не отвечал – видимо, по свойственной многим художникам безалаберности забыл положить на счет деньги.

Тогда Старыгин решил поехать к нему без звонка, наудачу.

Леша жил в красивом старинном доме на Петроградской стороне. Фасад дома был украшен огромной мозаичной картиной – бурное море, разбивающиеся о суровые скалы волны, среди которых терпит бедствие одинокий трехмачтовый парусник. Овальные и полукруглые окна в стиле модерн удачно вписывались в свободные места среди зубцов скал и морских валов, так что, казалось, жильцам этого дома мешает спать шум прибоя.

Фасад недавно отреставрировали, и со стороны дом выглядел замечательно. Однако кодовый замок на двери парадной был уже сломан, а когда Старыгин вошел внутрь, то закашлялся от стоящей в воздухе строительной пыли. На первом этаже кто-то делал ремонт, и вся площадка перед дверью квартиры была завалена старыми рамами, отбитыми кусками штукатурки и прочим мусором.

Стараясь не испачкаться, Дмитрий Алексеевич обошел мусорные завалы и поднялся на третий этаж, где обитал Топорков.

Дверь открыла Лена. Она была одета в старый фиолетовый спортивный костюм, голова повязана пестрым платком, в руках – мокрая тряпка.

– Ой, Дима! – Лена заметно смутилась, увидев Старыгина. – А я окна мою... что же ты заранее не позвонил?

– Извини... – проговорил Дмитрий. – Я ненадолго, мне нужно кое-что спросить у Леша...

– Ну, проходи в мастерскую. – Лена посторонилась. – Он работает, но поговорит с тобой с удовольствием.

Старыгин прошел по длинному коридору, завешанному и заставленному холстами в подрамниках – здесь Топорков хранил большую часть своих работ.

Лешина мастерская занимала самую большую и светлую комнату в конце коридора. Дмитрий Алексеевич постучал в дверь, не дождавшись ответа, нажал на ручку и вошел в комнату.

И тут же смущенно попятился: прямо напротив двери полулежала на старинном кожаном диване совершенно голая, довольно полная женщина лет тридцати, а Леша Топорков стоял над ней с задумчивым и отстраненным видом.

– Левую ногу согни! – проговорил он неуверенно, склонив голову набок. – Это придаст позе большую безысходность... а руку положи вот сюда, на валик...

Тут он услышал скрип входной двери, повернулся и увидел Старыгина.

– А, Дима! – произнес он озадаченно. – Это ты? А я тут, понимаешь, работаю... познаюсь, это Лера, моя натурщица... Лера, это Дима Старыгин...

– Очень приятно, – пробормотал Старыгин несколько смущенно, он не привык знакомиться с голыми женщинами. – Дима...

– Лера! – вежливо ответила натурщица и сделала попытку приподняться.

– Лежи! – прикрикнул на нее Топорков. – Я с таким трудом выстроил эту позу! Так чего ты хотел, Дима? Ты извини, я пока буду работать, а то освещение пропадет...

Он отступил к мольберту, прикрыл один глаз и нанес кистью несколько резких ударов по холсту, как тореадор, пронзающий шпагой утомленного быка.

– Извини, что я не вовремя... – проговорил Старыгин, освоившись. – Тут, понимаешь, возник такой вопрос...

– Да все нормально! – Леша нанес картине еще один молниеносный удар и стремительно отскочил, как будто боялся, что картина ему ответит тем же. – У меня же только руки заняты... и еще глаза, конечно... так что у тебя за вопрос?..

– Да вот, понимаешь, такое дело... – Дмитрий Алексеевич не знал, как начать.

Теперь, в этой мастерской, вопрос, который он собирался задать, показался ему глупым и бессмысленным. Пытаться найти приснившуюся Лидии картину и ее автора... это похоже на погоню за призраком. Или на поиски черной кошки в темной комнате. В которой нет никаких кошек – ни черных, ни белых. Однако раз уж он пришел сюда, нужно довести дело до конца.

– Ты ведь знаешь большинство художников в городе, – начал он издалека.

– Ну, ты, конечно, преувеличиваешь! – скромно проговорил Леша и снова ткнул кистью картину. – Но кое-кого, конечно, знаю... если, конечно, их можно считать художниками...

– Тебе никогда не попадались такие картины – на фоне тщательно выписанного городского пейзажа изображены какие-то чудовища, монстры?..

– Чудовища, говоришь? – Топорков покосился на приятеля, почесал переносицу ручкой кисти и снова шагнул к картине. – Это смотря какие чудовища... вот, к примеру, Лиза Липецкая, хозяйка галереи «Велюр», настоящий монстр! Две мои картины продала, а денег не отдает! Не знаю, что делать...

– Или взять, допустим, мою свекровь... – задумчиво проговорила натурщица.

– Во-во! – вскинулся Леша. – Думай про свекровь! У тебя сразу лицо делается такое выразительное! – Он сделал еще несколько быстрых мазков и повернулся к Старыгину. – Так, говоришь, чудовища?

– Ну да, – смущенно ответил Дмитрий Алексеевич. – Например, посреди колоннады Казанского собора лежит огромный осьминог с кабаньей головой и длинными клыками... или

на Стрелке возле самых Ростральных колонн разгуливает огромная птица с лапами льва и козлиными рогами...

– Ну-ка, ну-ка... – Топорков задумался. – А ведь что-то подобное я видел лет десять назад...

– Леш, мне холодно! – капризным голосом проговорила натурщица. – Может, закончим на сегодня?

– Да ты что! – огрызнулся Топорков. – Лежи! Когда еще будет такое классное освещение? – Он снова набросился на картину, ткнул кистью в нескольких местах и отскочил, любуясь результатом. – Чудовища, говоришь? Осьминоги с рогами?

– Леш, я такую хрень у Никанорыча видела! – подала голос Лера. – Посреди Дворцовой площади холодильник с женской грудью и огромными зубами! Ужас!

– О, точно! – оживился художник. – У Никанорыча на его выставках пару раз мелькали такие картины. Ну, особенного успеха не имели – обычный сюр...

– Не скажи! – возразила натурщица. – Я после этого неделю спать не могла!

– Я тебе про свекровь велел думать! – оборвал ее Топорков. – Так что, Дима, тебе надо к Никанорычу. Он все тебе про эти картины расскажет... а вообще, тебе это зачем?

– Да так... – неопределенно отозвался Старыгин. – Покупатель один интересовался...

Это был необдуманный ответ.

Топорков сразу сделал стойку:

– Покупатель? Что за покупатель? Приводи его ко мне! Зачем твоему покупателю архитектурные чудовища? Покупать нужно настоящую живопись! – И он выразительным взглядом обвел стены мастерской, обвешанные собственными работами. – Самые лучшие инвестиции – это инвестиции в подлинное искусство! Оно никогда не упадет в цене, в отличие от модных коммерческих поделок! Сам знаешь – жизнь коротка, искусство вечно!..

– Да какой-то странный покупатель... – Старыгин пошел на попятную. – Вот вынь да положи ему те картины, ничего другого не хочет... а кто такой Никанорыч?

– Ты Никанорыча не знаешь? – удивился Леша и переглянулся с натурщицей. – Кто ж его не знает?

– Вот я, например, – ответил Старыгин.

– Старик такой, – сообщила натурщица. – У него большой дом в Комарове, он в этом доме раньше выставки устраивал. Когда-то куча народу у него собиралась.

– Ну да, начал еще в восьмидесятые годы, когда все современное искусство было под запретом. Приглашал к себе художников-авангардистов и любителей искусства. Что-то вроде галереи у него было. Потом, в девяностые, когда все это разрешили, он по старой памяти еще устраивал у себя вернисажи, но народ к нему реже выбирался – в городе появилось много официальных галерей. Да и он уже состарился, так что не стало прежнего куража. Но я точно лет десять назад видел у него похожие картины. Так что Никанорыч тебе поможет...

– А у тебя нет его телефона?

– Телефона? – Леша переглянулся с натурщицей, и они дружно расхохотались. – Ты, Дим, Никанорыча не знаешь! Мобильников он в упор не признает, а городской телефон у него в Комарове уже лет пять как за неуплату отключен. Так что поезжай к нему прямо так, без звонка. Тем более Никанорыч почти никуда не выходит. Говорит, ему дома хорошо...

В это время дверь с тихим скрипом открылась, и на пороге появилась Лешина жена Лена.

Судя по всему, она домыла окна и даже успела переодеться. Вместо тренировочного костюма на ней теперь была длинная темно-серая юбка и вязаная кофта неопределенного цвета.

– Не хотите ли чаю? – спросила она голосом радушной, гостеприимной хозяйки.

– Лена, ты окна помыла? – строго спросил ее муж.

– Помыла, Лешенька... – ответила жена смиренным тоном, сложив руки на груди.

– Я тебе мешал?! – выпалил Леша возмущенно. – Ты видишь – мы работаем! Лера, разогни левую ногу! Это придаст образу большую целеустремленность и экспрессию! А левую руку вытяни и подложи под голову...

– Так, может, Дима хочет чаю?

– Леночка, извини, я уже ухожу! – Старыгин двинулся к выходу, но перед самой дверью задержался:

– Так как же мне найти этого Никанорыча?

– Поселок Комарово, Советская улица, дом 4-Б! – крикнула Лера и тут же испуганно осеклась, покосившись на Лешу. Тот сделал зверское выражение лица и замахал рукой своему другу, чтобы поскорее убирался вон.

Старыгин не обиделся, он и сам терпеть не мог, когда мешают работать.

Дачный поселок Комарово расположен на берегу Финского залива. До революции он находился на территории Великого княжества Финляндского и назывался Келломяки. Как и в соседнем поселке Куоккала (который теперь называется Репино), летом здесь собирался весь цвет артистического и художественного Петербурга. Здесь жили знаменитые писатели, художники, артисты. На лесных дорожках и на каменистом морском берегу можно было встретить Федора Шаляпина и Корнея Чуковского, Илью Репина и Леонида Андреева...

Впрочем, и сейчас значительную часть старожилов Комарова составляют представители творческих профессий – писатели, переводчики, киносценаристы.

Старыгин остановил машину неподалеку от вокзала и спросил проходившего мимо интеллигентного старичка:

– Извините, уважаемый, как проехать на Советскую улицу?

Старичок громко запыхтел, как рассерженный еж, и ответил Старыгину:

– Никакой Советской улицы здесь давно нет! Историческая справедливость восстановлена!

– И это вы называете восстановлением справедливости? – выпалил второй старичок, невесть откуда появившийся и почти такой же интеллигентный. – Назвать Советскую улицу именем махрового белогвардейца! Такое могло присниться только в страшном сне! Как известно, сон разума рождает чудовищ!

– Не махрового белогвардейца, а выдающегося деятеля отечественной культуры! – ответил первый старичок. – Тот, кто не помнит прошлого, недостоин будущего!

Старыгин понял, что своим невинным вопросом возобновил старый спор и теперь уж точно не дожидается ответа: старички наступали друг на друга, как бойцовые петухи, и обменивались оскорблениями, перемежая их цитатами из классики.

Дмитрий Алексеевич припарковал машину возле станции и подошел к магазину.

И в самой захолустной деревне, и в таком элитном поселке, как Комарово, магазин является важным культурным центром и основным местом распространения информации. Поэтому Старыгин не сомневался, что получит здесь все необходимые сведения.

Перед входом в магазин стояли несколько весьма ухоженных дам пенсионного возраста и оживленно обсуждали рецепты крыжовенного варенья. Старыгин подошел к ним, откашлялся и вежливо задал тот же вопрос.

– Советская? – переспросила первая дама. – Ну как же, она теперь Архиерейская. Это вам нужно сейчас идти по Вокзальной, потом свернуть налево – на Садовую, потом направо – на Лесную, потом еще раз налево, и будет Архиерейская...

– Ну что вы говорите, Марианна Сергеевна! – перебила ее вторая дама. – Архиерейская – это бывшая Коммунистическая, а молодому человеку нужна бывшая Советская! Так она теперь называется улица Барона Врангеля. Только это не того Врангеля, который белогвардеец, а того, который искусствовед...

Старыгин в свое время много читал о знаменитом русском искусствоведе Николае Врангеле, родном брате генерала Петра Врангеля, возглавлявшего Белое движение в конце Гражданской войны, но его сейчас интересовало совсем другое. Ему нужно было найти пресловутого Никанорыча...

В это время в разговор вмешалась третья дама:

– Молодой человек, вы лучше скажите, чей дом вы ищете. Мы здесь, в Комарове, всех старожилов знаем.

– Может быть, вы знаете Никанорыча?.. – проговорил Старыгин неуверенно. Вряд ли одного отчества достаточно, чтобы найти человека в большом поселке.

– Ну, так бы сразу и сказали! – радостно выпалили все три дамы в один голос. – Кто же его не знает?

– Костик! – окликнула одна из них мальчика лет десяти, который шел мимо, вдумчиво облизывая эскимо. – Покажи мужчине дом Никанорыча, ты ведь как раз туда идешь!

Юный абориген бросил на Старыгина оценивающий взгляд, подхватил языком повисшую на мороженом шоколадную каплю и задумчиво проговорил:

– Фараон!

– Что? – переспросил Дмитрий Алексеевич. – Да нет, с чего ты взял? Я вовсе не из милиции!

– При чем тут милиция? – Мальчик захлопал глазами. – Купите мне эскимо «Фараон», и я вас отведу к Никанорычу. Мы живем в эпоху рыночной экономики, значит, всякий труд должен быть оплачен. Лично я считаю, что это справедливо.

– Но ты же еще свое эскимо не доел!

– Оно уже кончается, и меня ждет тусклое, безрадостное существование!..

– Какая, однако, у нас продвинутая, прагматичная молодежь! – вздохнул Дмитрий Алексеевич и купил сообразительному мальчику требуемое мороженое.

Получив свое, Костик зашагал по обсаженной елками улице, не оглядываясь на Старыгина и подбивая ногой еловые шишки. Через несколько минут они миновали дорожный указатель «Осторожно – ежики!» и свернули влево.

К этому времени Костик прикончил второе эскимо и с сожалением оглянулся на своего спутника:

– Ну вот, видите тот зеленый дом с башенкой? Вот там он и живет, ваш Никанорыч. Только я дальше не пойду, у меня с ним напряженные отношения.

– На какой почве? – поинтересовался Старыгин.

– На почве красной смородины. Я так считаю, что раз он ее все равно не собирает, значит, справедливо будет поделиться с соседями, а он меня крапивой...

С этими словами Костик свернул с дорожки и скрылся за высоким забором.

Дом Никанорыча представлял собой большое, запущенное, слегка покосившееся строение, расположенное в глубине неухоженного участка. Когда-то, несомненно, и дом, и участок были красивыми, но с тех пор прошло много лет. Краска на доме облупилась и утратила первоначальный цвет, окна кое-где были разбиты и вместо стекол заколочены кусками фанеры. Дорожки сада заросли крапивой и лопухами, и на всем ощущалась печать запустения.

Впрочем, как встречаются старые люди со следами былой красоты, так и этот дом носил на себе несомненный отпечаток былой привлекательности. Крышу его увенчивала затейливая башенка, на окнах кое-где сохранились нарядные резные наличники, рамы веранды были застеклены красными, зелеными и синими стеклами.

Старыгин остановился у калитки и окликнул хозяина.

Откуда-то из глубины сада донесся хриплый, каркающий, надтреснутый голос:

– Заходите! Я сейчас приду!

Дмитрий Алексеевич толкнул калитку и вошел в сад.

Он тут же оказался по пояс в высокой траве, вокруг него дружно гудели и жужжали насекомые. Кое-как пробившись сквозь густые заросли бурьяна к шаткому крыльцу, Старыгин снова остановился. Наконец откуда-то сбоку, из-за разросшихся кустов, вынырнул высокий старик в черном кителе без погон и галошах на босу ногу. В руке у него было пустое ведро.

– Здравствуйте, – проговорил Дмитрий Алексеевич, с интересом разглядывая хозяина. – Извините, я знаю только ваше отчество. Вы ведь Никанорыч?

Старик взглянул на гостя из-под густых седых бровей и пробормотал неприязненно:

– А вам-то зачем? Возьмете свое, расплатитесь – и поминай как звали...

– О чем это вы? – удивленно переспросил Старыгин.

– Да известно о чем... заходите! – Хозяин поднялся по крыльцу, которое жалобно заскрипело под его ногами, открыл входную дверь и прошел в сени, придерживая дверь перед Старыгиным.

В сенях, громко кряхтя и потирая поясницу, он снял галоши и переобулся в огромные войлочные тапки без задников. Затем ткнул пальцем куда-то в угол:

– Ну, вот оно!

Там, куда он показал, валялись на дощатом полу несколько старых оловянных подсвечников и помятая медная сковорода.

– Что – оно? – недоуменно переспросил Старыгин.

– Ну, вы же пришли за цветным металлом? – сухо осведомился хозяин. – Забирайте, платите сколько положено и проваливайте. Мне с вами беседы разводить некогда...

– Извините, но вы меня с кем-то перепутали! – перебил его Старыгин. – Я пришел вовсе не за металлом!

– А за чем же еще? – Старик пристально взглянул на гостя, седые брови удивленно поднялись.

– Ведь вы раньше устраивали в этом доме выставки современного искусства. Я хотел бы поговорить с вами об этом.

– Вспомнили! – проговорил Никанорыч насмешливо. – Видать, медведь в лесу умер или рак на горе свистнул! Ну ладно, раз так – проходите в дом, я вас чаем напою.

Он толкнул дверь и вошел в большую полупустую комнату.

В центре комнаты стоял круглый стол, накрытый полуистлевшей бархатной скатертью, возле него – пара шатких венских стульев. Стены комнаты были когда-то оклеены зеленоватыми обоями, но они давно выцвели и протерлись, а кое-где свисали рваными лоскутами. Правда, тут и там на стенах виднелись более яркие прямоугольники, сохранившие первоначальный цвет обоев, – должно быть, в тех местах, где на стенах висели картины.

– Где стол был яств, там гроб стоит! – процитировал старик классику. – Где пиршеств раздавались лики, Надгробные там воют клики.

– И бледна смерть на всех глядит! – продолжил Дмитрий Алексеевич цитату.

– Вот как? – Старик с интересом взглянул на гостя. – А вы, видать, достаточно начитанный молодой человек! Мало кто сейчас помнит эти стихи!

– Гаврила Романович Державин, «На смерть князя Мещерского». Кстати, меня здесь уже не первый раз называют молодым человеком. В моем возрасте это лестно...

– Какие ваши годы! – Взгляд Никанорыча заметно потеплел, узкие губы сложились в улыбку. – Для меня вы действительно молодой человек! Сколько вам – лет сорок?

– Сорок три, – вздохнул Дмитрий Алексеевич.

– Совсем мальчишка! – покровительственно усмехнулся хозяин. – Присаживайтесь...

Старыгин опустился на один из стульев, и тот подозрительно заскрипел.

– Так что вас ко мне привело? – осведомился хозяин, усаживаясь напротив Старыгина. – Неужели какая-то газета решила написать о моих былых выставках?

– Нет, к сожалению... – Старыгин потупился. – Это интерес скорее личного плана. Я хотел спросить вас об одном художнике, который у вас выставлялся.

– О ком именно? – Никанорыч склонил голову, пристально глядя на гостя выцветшими от возраста, но все еще живыми и пронзительными глазами. – Не думайте, что я в полном маразме. Внешность обманчива. Память у меня хорошая, в особенности в том, что касается современной живописи. Я помню не только каждого художника, который у меня выставлялся, но почти каждую картину! И скажу вам честно – это единственное, что меня по-прежнему интересует. Тем более если находится такой собеседник, который помнит наизусть стихи Гаврилы Романовича Державина...

Старыгин обрадовался: ему удалось найти ключ к этому вздорному старику, верный тон. И если он, как говорит, действительно так хорошо все помнит, сейчас прояснится все, ради чего Дмитрий Алексеевич проделал эту дорогу...

– Замечательно! – Старыгин придвинулся чуть ближе, доверительно понизил голос и проговорил:

– На одной из ваших выставок были представлены довольно странные картины...

– Современная живопись многим кажется странной! – хмыкнул Никанорыч. – Талант всегда немного странный... только посредственность понятна и привычна каждому. Не могли бы вы выразиться несколько поконкретнее?

– Разумеется... на этих картинах были достаточно подробно и реалистично изображены виды города – Дворцовая площадь, Смольный, Казанский соборы, но рядом с ними находились какие-то кошмарные чудовища – осьминог с кабаньей головой и огромными клыками, птица с львиными лапами...

Старика как будто подменили. Он вскочил, опрокинув стул, побагровел, замахал руками, как лопастями ветряной мельницы, и двинулся на Старыгина:

– Вон! Убирайтесь вон! Чтоб ноги вашей здесь больше не было! Сейчас же вон из моего дома!

– Но в чем дело? – Дмитрий Алексеевич вскочил со стула и попятился, невольно заслоняясь от рук старика, беспорядочно машущих в воздухе. – Что я вам сделал?

– Он еще спрашивает! – Никанорыч наступал на гостя, размахивая руками и брызгая слюной. – Обманом проник в дом! Втерся в доверие! Державина читал!

Он вытолкал Старыгина в сени, потом – на крыльцо, продолжая выкрикивать что-то несуразное:

– Так и передай ему – Никанорыч еще в своем уме! Никанорыч еще не в маразме!

«Именно это и похоже на самый настоящий старческий маразм! – думал Старыгин, отступая к калитке. – Бессмысленные выкрики, резкие перепады настроения, истеричное поведение...»

– Так ему и передай! – повторил старик, остановившись на крыльце и трясая костлявым кулаком.

– Кому передать? – недоуменно спросил Дмитрий Алексеевич, протискиваясь через калитку.

– Ты отлично знаешь кому! – гремел Никанорыч. – Хозяину своему передай! Знать его не желаю!

Старыгин недоуменно пожал плечами и в полной растерянности побрел прочь по улице.

Возле калитки противоположного дома стояла седенькая старушка в джинсовой панаме. Сочувственно взглянув на Дмитрия Алексеевича, она проговорила:

– Выгнал? Никанорыч, он такой! Скандалист, каких мало! Вы не расстраивайтесь, молодой человек! Он с мужчинами почти со всеми так. Непременно наорет. Вот с женщинами – совсем другое дело! С женщинами он – настоящий джентльмен! – И старушка кокетливо поправила свою панамку.

Как ни странно, после этих слов Старыгин несколько приободрился. Пройдя еще немного по улице, он достал мобильный телефон и набрал номер Лидии.

Услышав в трубке знакомый волнующий голос, он рассказал ей о своем неудачном посещении комаровского отшельника и под конец предложил:

– Мне кажется, он что-то знает о тех картинах, просто я не сумел найти к нему нужного подхода. Может быть, вы приедете сюда и сами попробуете его разговорить? Думаю, что с вами Никанорыч будет более откровенен.

Лидия неожиданно легко согласилась.

Оказалось, что она недалеко от вокзала и сможет приехать на электричке примерно через час.

Старыгин вернулся на станцию, проведая свою машину и устроился за столиком небольшого летнего кафе, заказав чашку кофе.

Кофе оказался неожиданно приличным, погода стояла замечательная, и настроение его, испорченное стычкой с Никанорычем, постепенно улучшилось. В самом деле, сегодня у него выходной, он проведет его на свежем воздухе в обществе весьма интересной женщины. Они навещают нелюдимого старика, и, если верить словам соседки, с Лидией он окажется гораздо сговорчивее, и она выяснит у него все, что ее интересует. А если старик не сможет ответить на ее вопросы, то, несомненно, даст хоть какую-нибудь ниточку. Лидия очень хорошо умеет убеждать, это Старыгин понял еще вчера.

В самом деле, вот же он, Старыгин, увлекся поисками неизвестного художника, хотя у него совсем другие заботы – ему бы нужно выяснить, что Лидия знает про ту картину неизвестного итальянского мастера шестнадцатого века, реставрацией которой он сейчас занят. Вот, кстати, можно будет расспросить ее об этом после того, как они побеседуют с Никанорычем. Погода отличная, они спустятся к заливу, побродят по берегу, потом пообедают в одном из этих новых ресторанчиков прямо на пляже.

От такой приятной перспективы Дмитрий Алексеевич приободрился и встретил прибывшую электричку широкой жизнерадостной улыбкой.

Вышли люди, в основном молодежь, нагруженная рюкзаками и палатками, – суббота, погода отличная, настроение еще лучше. Затем несколько припоздавших отцов семейств с набитыми сумками, живенький дедок с ярким воздушным змеем – его встречали трое внуков, и две теткы деревенского вида с пустыми тележками – эти с рынка, продавали цветы и зелень.

Лидии среди пассажиров не было. Старыгин не успел огорчиться по этому поводу, потому что следующая электричка остановилась у перрона уже через полчаса.

Дмитрий Алексеевич встал из-за столика и неторопливо направился к платформе.

Лидию он заметил издали, и сам удивился волнению, охватившему его при виде ее высокой стройной фигуры. Сегодня она оделась по-дачному – джинсы, кроссовки, яркая полосатая маечка. Джинсы красиво облегли бедра, а трикотажная маечка давала понять, что женщина не только стройна, но имеет вполне соблазнительные формы.

Дмитрий Алексеевич хотел было сказать Лидии комплимент – не дежурный, а самый искренний, но вовремя сообразил, что он окажется некстати.

Лидия выглядела очень взволнованной, движения ее были резки и порывисты, глаза метали лиловые молнии и казались огромными на бледном лице. Волосы не были заколоты гладко, как в прошлый раз, а свободно разметались по плечам.

Перед Старыгиным стояла совершенно другая женщина, он подумал даже, что к этой, сегодняшней Лидии, он не посмел бы подойти там, на выставке.

В машине Лидия причесалась, заколола волосы и чуть тронула губы неяркой помадой. Затем накинула скромную серую курточку и улыбнулась Старыгину. Теперь она выглядела гораздо спокойнее.

– Что-то он мне скажет... – задумчиво пробормотала она, взглянув на себя в панорамное зеркало, – я так волновалась, а теперь уже жду этой встречи с нетерпением. Жду и надеюсь...

У Старыгина язык не повернулся сказать ей, что старик, возможно, в маразме и ничего дельного не вспомнит. Или вспомнит, но заупрямится и выгонит их вон.

«Пусть сама с ним разбирается, – подумал он, – я и так сделал все, что мог».

На этот раз Старыгин знал дорогу, поэтому они доехали до дома Никанорыча, не плутая по улицам с измененными в последние годы названиями.

Калитка была распахнута.

Старыгин на мгновение замешкался: кажется, уходя отсюда час назад, он ее закрыл. Впрочем, это неважно...

Он двинулся к крыльцу по заросшей травой тропинке и вдруг увидел, как входная дверь дома с грохотом распахнулась и на крыльцо выкатился толстый пожилой человек с выпученными глазами. Увидев Старыгина и его спутницу, он широко раскинул руки, как собирающаяся взлететь ворона, и попытался что-то выкрикнуть, но слова застряли у него в глотке, как рыба кость.

Дмитрий Алексеевич застыл на месте от охватившего его скверного предчувствия.

Толстяк хлопнул руками, от этого сотрясения слова выскочили у него из горла, и он истошно выкрикнул неожиданно тонким, пронзительным голосом:

– Убили!

– Кого – Никанорыча? – переспросил Старыгин, холодея.

– Никанорыча! – подтвердил толстяк, снова раскидывая руки. – Милицию! Милицию нужно вызвать!

На улице возле дома уже появились зеваки.

Старыгин, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, взбежал по крыльцу, миновал сени, открыл дверь комнаты...

Никанорыч сидел на том же венском стуле, что и во время разговора со Старыгиным. Только голова его была неестественно запрокинута назад, рот широко открыт, руки сведены за спиной, а глаза выпучены от невыносимой боли.

Дмитрий Алексеевич по инерции сделал еще один шаг вперед, оказавшись рядом с мертвым стариком. И тут во рту Никанорыча что-то тускло блеснуло.

Старыгин наклонился над мертвецом, чтобы разглядеть источник блеска, хотя что-то внутри удерживало его от этого шага. Видимо, какой-то защитный механизм хотел уберечь его от того, что открылось его глазам.

Во рту старика тускло блеснул мутно-серебристый металл, который перекрывал его глотку чудовищной пробкой.

Рассудок Старыгина отказывался понимать то, что он видел.

Это было слишком ужасно для того, чтобы быть правдой. Это не могло быть правдой.

Дмитрий Алексеевич невольно отвел взгляд от Никанорыча, чтобы не смотреть на это... и тут он увидел на столе ковш. Самый обычный ковшик, в каких варят кашу на завтрак или разогревают молоко. Только этот ковшик до сих пор распространял жар, от которого обуглилась старая бархатная скатерть.

И вместо каши на дне ковшика мрачно блеснул тускло-серебристый металл.

Старыгин вспомнил оловянные подсвечники на полу в сенях, и ужасная правда постепенно проступила в его сознании. Так на детской переводной картинке постепенно проявляется цветок, или автомобиль, или космическая ракета.

Только на этот раз проявлялось такое, что может породить только ночной кошмар.

После ухода Дмитрия Алексеевича к Никанорычу пришел кто-то еще.

Этот кто-то связал старика (Дмитрий Алексеевич увидел его руки, связанные за спиной обрывком бельевой веревки, глубоко врезавшейся в дряблую старческую плоть). Затем этот

кто-то, воспользовавшись газовой плиткой, растопил в ковше оловянный подсвечник... и влил в горло несчастного расплавленный металл!

О таком ужасном способе убийства Старыгин читал только в средневековых манускриптах, посвященных чудовищным пыткам и казням, которым подвергали еретиков.

Старыгин попятился, не сводя широко открытых глаз с мертвого старика.

Комната закружилась перед его глазами, как будто он ехал на карусели. Перед ним плыли выцветшие, порванные обои с квадратными пятнами на месте картин, круглый стол, застеленный истлевшей скатертью, мертвый старик на стуле...

На полу возле правой ножки стула что-то блеснуло.

Старыгин тряхнул головой и глубоко вдохнул, чтобы преодолеть головокружение. Комната постепенно замедлила вращение, потом совсем остановилась, как будто хозяин карусели нажал кнопку выключателя. Дмитрий машинально протянул руку к маленькому блестящему предмету, валявшемуся на полу, спрятал его в карман...

В это время в комнату вошла Лидия.

– Что здесь случилось? – спросила она растерянно. – Это тот самый человек, о котором вы говорили?

– Да... – неохотно проговорил Старыгин и преградил ей дорогу к труп. – Вам не нужно этого видеть...

– Да что случилось? – повторила женщина, бледнея.

Но Дмитрий Алексеевич уже настойчиво подталкивал ее к выходу из комнаты.

Они миновали сени, вышли на крыльцо.

Старыгин глотнул свежий, душистый сосновый воздух, и ему стало чуть легче. Однако перед глазами его все еще стояла страшная картина – мертвый старик с запрокинутой головой... старик с залитым оловом горлом...

На улице перед калиткой уже собралась приличная по здешним меркам толпа – человек пять-шесть. В центре этой толпы стоял тот самый толстяк, с которым Старыгин столкнулся на пороге. Взмахивая руками, как перепуганная ворона крыльями, он своим неестественно высоким голосом рассказывал окружающим, какой испытал шок, наткнувшись на мертвое тело.

Увидев выходящего из дома Старыгина, толстяк возбужденно воскликнул:

– Вот, молодой человек тоже его видел! Он не даст соврать! Он подтвердит!

В это время к калитке подкатила черная машина с милицейской мигалкой.

Машина затормозила, дверцы распахнулись, и на улицу вывалились четверо парней в потертых кожаных куртках, до боли похожие на героев популярного милицейского сериала.

– Что у нас случилось? – осведомился старший, оглядев присутствующих неодобрительным взглядом.

– Убийство! – выпалил толстяк, выступив вперед и снова раскинув короткие руки.

– Не забегай вперед, папаша! – поучительно проговорил милиционер, мигнув одному из своих спутников, который тут же скрылся в доме. – Насчет убийства мы еще должны разобраться!

Парень в черной куртке вернулся и что-то прошептал на ухо своему шефу. Тот крякнул и почесал затылок.

– Ну что, я же говорил – убийство! – взволнованно повторил толстяк.

– Не спеши с выводами, папаша! Пока можно говорить только о мертвом теле. Кто его обнаружил?

– Я, – честно признался толстяк. – Дело в том, что я зашел к Никанорычу, чтобы узнать...

– Момент! – перебил его милиционер. – Кто такой Никанорыч? Потерпевший? Имя, фамилия!

– Не знаю, – толстяк пожал плечами, – его все только так и называли – Никанорыч...

– Ладно, – смиловился парень, – разберемся. Выясним. Узнаем. Все в свое время. Так зачем конкретно вы, папаша, зашли к Никанорычу... тьфу, к потерпевшему?

– Я к нему зашел, чтобы узнать, какие сегодня отменены электрички. Никанорыч всегда это знает, хотя почти никогда не выходит из дома... у него все насчет электричек спрашивают...

– Имя, фамилия? – строго осведомился милиционер.

– Да я же говорю – его все называли Никанорыч... а имени и фамилии никто не знает!

– Я про вас спрашиваю!

– А... Якубович Борис Григорьевич.

– Место работы, должность?

– Кинокритик, – смущенно признался толстяк.

– Это еще что за работа?

– Как бы вам объяснить? Статьи пишу про кинофильмы... участвую в обсуждениях нового отечественного и зарубежного кино... в круглых столах, и тому подобное...

Милиционер насмешливо переглянулся со своими коллегами, тяжело вздохнул и проговорил, обращаясь к толстяку, как к непонятливому ребенку:

– Я вас не про это спрашиваю, я сам тоже люблю с приятелями за столом про кино потренироваться. А я вас конкретно спрашиваю: где вы работаете? И на какой должности?

– Ну, молодой человек, как вы не понимаете...

– Я-то все очень хорошо понимаю! – набычился милиционер. – А вот вы никак не хотите понять! Ну, чтобы вам проще было – трудовая книжка у вас где лежит?

– Дома.

– Ну, так бы сразу и сказали – безработный! – Милиционер что-то черкнул в своем блокноте.

– Какой же я безработный! – возмутился толстяк. – Я, между прочим, член Российской академии кино и телевидения!..

– Тьфу! – милиционер покрутил головой. – Я же и забыл, что это, блин, Комарово. Здесь каждый или академик, или уж, на худой конец, профессор... короче, гражданин академик, что вы можете нам сообщить в качестве свидетеля?

– Я же говорю – пошел я к Никанорычу насчет электричек узнать. В этом году их очень часто отменяют. Особенно в будние дни. В выходные еще ничего, придерживаются расписания, а в будние – это просто кошмар...

– Папаша, не отвлекайтесь! – оборвал его милиционер. – Давайте по делу!

– Значит, так... – продолжил кинокритик. – Сначала возле калитки его окликнул, но он не отозвался. А я знаю, что он плохо слышит. Подошел к дому, поднялся на крыльцо и снова его окликнул. Опять не отвечает. Смотрю – дверь открыта, ну, я и вошел... а там... – Свидетель побледнел, покраснел, снова взмахнул руками от полноты чувств.

– Ладно, понятно! – оборвал его милиционер. – Вы на месте преступления ни к чему не прикасались? Не трогали руками вещественные доказательства?

– Нет, как можно! – заверил его кинокритик. – Я же знаю, что этого нельзя делать...

– Откуда такая осведомленность? – насторожился милиционер. – Вы что, гражданин, ранее судимы? Привлекались по статьям Уголовного кодекса?

– Да что вы! – возмутился свидетель. – Никогда! Не был, не имел, не состоял, не привлекался! Я вообще, к вашему сведению, чрезвычайно законопослушный человек! А осведомленность моя исключительно на основе просмотра кинофильмов!

– Понятно. – Милиционер снова что-то записал в блокноте.

– Я ни к чему не прикасался, – повторил кинокритик. – А вот вы спросите молодого человека... – И он указал на Старыгина.

– А что, гражданин тоже был на месте преступления? – насторожился милиционер.

– А как же! – Свидетель снова всплеснул руками. – Я его встретил на крыльце, предупредил, что Никанорыч... извиняюсь, потерпевший убит, но он все равно вошел в дом...

– Интересно! – милиционер повернулся к Старыгину. – Имя, фамилия, место работы?

Дмитрий Алексеевич представился, назвал место работы и протянул милиционеру водительские права. Тот внимательно ознакомился с документом, сверил фотографию с оригиналом и наконец вернул права владельцу.

– Значит, Дмитрий Алексеевич, вы тоже хотели поговорить с потерпевшим? И на какую тему? Тоже насчет электричек?

– Нет, почему же... я вообще на машине приехал. А поговорить я с ним хотел по профессиональному вопросу...

Он хотел добавить, что разговор был о картинах, но что-то его остановило, и Старыгин замолчал.

– Я извиняюсь! – раздался из толпы зевак негромкий голос. – Я, конечно, извиняюсь, может быть, это не мое дело, только этот молодой человек сегодня уже был у Никанорыча...

Старыгин обернулся и увидел старушку в джинсовой панамке, которую встретил, первый раз выйдя от Никанорыча.

– Так! – Милиционер заметно оживился и приготовил свой блокнот. – Попрошу помедленнее и в подробностях. Во-первых, свидетельница, ваша фамилия...

– Вера Сигизмундовна Зайончковская! – представилась старушка, кокетливо поправив панамку. – Вдова Антона Антоновича Зайончковского! Ну, того самого, вы знаете...

– Допустим, – неуверенно проговорил милиционер. – Так что, вы утверждаете, что гражданин Старыгин уже был сегодня в доме потерпевшего?

– Совершенно верно. – Старушка кивнула. – Я видела, когда он вышел из его дома.

– В какое время это было?

– В тринадцать часов двадцать одну минуту.

– Откуда такая точность? – Милиционер недоверчиво взглянул на почтенную вдову.

– Я вам все объясню! – засуетилась старушка. – Я племянницу из города ждала, Анастасию, и поэтому прислушивалась к электричкам, чтобы, значит, ее не пропустить, племянницу свою. Электричку тринадцать ноль семь отменили, следующая была в тринадцать двадцать одну, и я как раз ее услышала, и тут вижу – вот этот молодой человек выходит из дома Никанорыча...

– Понятно! – милиционер повернулся к Старыгину. – Значит, вот какие обнаруживаются интересные подробности! Выходит, Дмитрий Алексеевич, вы находились в доме потерпевшего приблизительно в то самое время, когда наступила его смерть. Таким образом, вы имели полную возможность...

– Но он был тогда жив! – проговорил Старыгин и повернулся к старушке. – Ведь вы видели...

– Совершенно верно! – подтвердила та. – Никанорыч его выпроводил из дома, он на него громко кричал...

– То есть у гражданина Старыгина была с потерпевшим ссора? – вкрадчивым голосом проговорил милиционер. – То есть у него была не только возможность совершить убийство, но и мотив!.. – И он что-то застрочил в своем блокноте.

– Какой мотив?! – возмутился Старыгин. – Он был просто вздорный старик! Характер у него был отвратительный! Если бы всех вздорных стариков убивали...

– Так... запишем... вы испытывали к потерпевшему личную неприязнь... Очень хорошо!..

– Пойдите! – Старыгин завертел головой, как будто ожидал от кого-то поддержки. – Но ведь свидетельница видела, что он... Никанорыч... был жив, когда я выходил из его дома!

– Действительно!.. – Милиционер перечитал свои записи и с сожалением вздохнул. – Он с вами ссорился, значит, был жив. В моей практике еще не было случая ссоры с покойником. Но это ничего не значит. Так или иначе мотив у вас имелся, вы могли выйти из дома, а потом незаметно вернуться...

В это время к калитке подкатила еще одна милицейская машина. Из нее вышел невысокий озабоченный мужчина с небольшим чемоданчиком, по-видимому, судебно-медицинский эксперт. Он вполголоса переговорил со старшим милицейской группы, и они двинулись к дому. На полпути к крыльцу милиционер остановился, обернулся и строго сказал Дмитрию Алексеевичу:

– Гражданин Старыгин, предупреждаю вас – никуда не выезжайте из города. У следствия, несомненно, появятся к вам вопросы.

«Дожил! – горько подумал Старыгин. – И отчего я вечно попадаю во всякие сомнительные истории? Хорошо хоть, сразу наручники не надели и не задержали до выяснения. А то народ здесь приличный, сраму не оберешься...»

– Что же случилось? – растерянно спросила Лидия, когда они отъехали от Комарова на приличное расстояние.

Старыгин сосредоточился на дороге и не спешил отвечать. Он и сам бы хотел знать ответ.

– За что убили этого несчастного нищего старика? – продолжала Лидия.

– Не знаю, – отрывисто бросил Старыгин, – возможно, какие-нибудь бытовые разборки, сведение счетов. Старик ведь собирал цветные металлы и продавал их скупщикам, а это весьма криминальный бизнес.

Он сам не верил в то, что говорил. Если бы Никанорыча убили из-за небольших денег или на бытовой почве, как говорят в милиции, то его просто пырнули бы ножом или ударили по голове тем же подсвечником. Не надо служить в милиции, чтобы понять: вряд ли мелкие бандиты выбирают такой сложный и изысканный способ убийства. Это что-то средневековое, а в истории они не сильны, им и в голову не придет влить человеку в горло расплавленное олово.

От воспоминаний Старыгина передернуло, как будто в салоне машины внезапно наступила зима.

– Я виновата, – тотчас откликнулась Лидия, – это все из-за меня. Если бы мы не встретились...

Старыгин резко затормозил, свернул на обочину шоссе и повернулся к Лидии.

– Вы ни в чем не виноваты, это досадная случайность, – сказал он с излишней горячностью, – вы давно не были в России, у нас такое встречается. Одиноким старик занимался сомнительными делами, якшался со всякой швалью...

Он сам не слишком верил в то, что говорил, но Лидия, похоже, поверила.

– Жаль, что я не успела с ним поговорить, – сокрушалась она, – возможно, отыскался бы хоть какой-то след тех картин... хоть какая-то ниточка...

– Я что-нибудь придумаю, – успокоил ее Старыгин, плавно трогая машину с места, – я найду еще кого-нибудь, кто нам поможет... кто что-нибудь вспомнит...

Он употребил местоимение «нам», и Лидия не возражала. Она улыбнулась ему благодарно и погладила по руке.

Проводив Лидию, Старыгин ехал домой в самом скверном расположении духа.

Ему пока ничего не удалось узнать о таинственных картинах и их авторе, а он уже попал под подозрение в убийстве.

Да и само то, что несчастного Никанорыча убили буквально через несколько минут после его визита, очень не нравилось Дмитрию Алексеевичу.

Конечно, это могло быть простым совпадением, но Старыгин не верил в совпадения.

И, что тоже немаловажно, он так и не успел спросить Лидию, что она помнит о той картине неизвестного итальянского мастера, что находилась у него в работе. А ведь именно с этого

и начиналось их знакомство. И он собирался выяснить сегодня этот важный вопрос. Но не успел. А честно говоря, забыл, после ужасных событий это совершенно вылетело у него из головы.

Плохо, подумал Дмитрий Алексеевич, все плохо.

Задумавшись, он едва не проскочил перекресток на красный свет. Резко затормозив, он откинулся на сиденье машины и почувствовал в боковом кармане какой-то жесткий предмет. Дмитрий Алексеевич вспомнил, что положил туда блестящую вещицу, которую подобрал возле труп Никанорыча.

Он достал этот предмет, поднес его к свету...

У него на ладони лежал оловянный солдатик.

Маленькая, ярко раскрашенная фигурка с винтовкой. Нарядный синий мундир, перекрещенный желтыми ремнями португалии, красные штаны, заправленные в высокие сапоги, лихо заломленный черный кивер. Все вместе придавало солдатику бойкий и залихватский вид, так что Старыгину невольно вспомнился стойкий оловянный солдатик из сказки Андерсена.

Солдатик был изготовлен тщательно и аккуратно, с большим искусством – были видны лихо закрученные усы, желтая кокарда на кивере, неизвестный мастер передал даже выражение лица – решительное и воинственное.

Старыгин задумался.

Может быть, солдатику потерял возле труп убийца? А может, он не потерял его, а оставил там специально? Ведь смерть Никанорыча наступила именно от расплавленного олова... оловянный солдатик может быть оставлен со значением...

Он убрал солдатику обратно в карман. В конце концов, убийство Никанорыча его не касается. Пускай им занимается милиция. Его интересуют картины – городские виды с чудовищными химерами. Однако со смертью Никанорыча оборвалась единственная ниточка, которую ему удалось нащупать...

Старыгин часто заходил в небольшой антикварный магазин, расположенный в центре города, в Тележном переулке, отходящем от Старо-Невского проспекта на полпути между Московским вокзалом и Александро-Невской лаврой.

Раньше этот переулок был невзрачным и запущенным, вполне оправдывая свое дореволюционное название. В последнее же время муниципальные власти привели его в порядок, закрыли переулок для транспорта, вымостили аккуратной тротуарной плиткой, расставили везде, где только можно, ящики и горшки с цветами и даже высадили кусты чайных роз.

Преобразившийся переулок заслуживал нового названия, и его переименовали в Тележный бульвар.

Дмитрий Алексеевич оставил машину на углу и прошелся по новоиспеченному бульвару, разглядывая нарядные витрины магазинов и столики летних кафе, уютно разместившиеся между горшками с геранью и петунией.

Наконец он подошел к антикварному магазину и задержался перед его витриной.

Этот магазин он посещал не от нечего делать и даже не из профессионального интереса к предметам старины, хотя среди всякого старинного хлама изредка попадались интересные вещицы и настоящие редкости.

На самом деле интерес его был сугубо профессиональный: Дмитрий Алексеевич осматривал выставленные в магазине антикварные предметы мебели, чтобы отыскать доски, пригодные для реставрации старинной живописи.

Известно, что, прежде чем живописцы начали писать картины масляными красками на специальном грунтованном холсте, они работали темперой, то есть краской на основе клея или яичного желтка, по деревянной доске.

Масляную живопись, наиболее распространенную в наше время, изобрели в пятнадцатом веке нидерландские художники, скорее всего знаменитые братья Хуберт и Ян ван Эйк.

Художники итальянского Возрождения использовали как основу для своих картин доски из ореха и бука, дуба и грушевого дерева, ясеня и клена. В каждой итальянской провинции были свои излюбленные сорта древесины, поэтому дерево доски служит одним из признаков для определения живописной школы.

Занимаясь реставрацией итальянской живописи, Старыгин нуждался в хороших старых досках.

Достать в наше время хорошую, тщательно высушенную доску очень сложно, поэтому он и обходил антикварные магазины, внимательно осматривая шкафчики и шифоньеры, тумбочки и этажерки в поисках хорошей буковой или ясеновой доски. Иногда ему приходилось приобретать целый платяной шкаф ради единственной полки, сделанной из хорошего грушевого дерева.

Итак, Дмитрий Алексеевич задержался возле витрины антикварного магазина.

Витрина его очень заинтересовала. Дело в том, что в ней была выставлена целая композиция, представляющая сражение двух отрядов оловянных солдатиков.

Наверное, эту композицию здесь выставили уже очень давно, просто Старыгин не обращал на нее внимания. До последнего времени оловянные солдатик его не интересовали, он даже в детстве в них не играл, предпочитая им машинки и самолеты. Но сейчас он заинтересовался оловянной армией, поскольку форма одного из отрядов очень напоминала форму того солдатика, которого он нашел в Комарове, возле труп старика Никанорыча.

Точно такие же синие мундиры, желтые ремни португелей, красные штаны, черные кивера...

Старыгин толкнул дверь магазина и вошел внутрь.

Дверной колокольчик звякнул, сообщая хозяину (вернее, хозяевам) магазина о появлении покупателя.

Владели этим магазинчиком два брата-близнеца – два старых холостяка, Глеб Борисович и Борис Борисович. Маленькие, тщедушные, с розовыми аккуратными лысыми в обрамлении седых кудряшек, они были похожи, как две капли минеральной воды без газа.

Сейчас оба владельца сидели за прилавком, внимательно разглядывая в две лупы какую-то монету.

Поздоровавшись с ними, Старыгин спросил, нет ли у них для него каких-нибудь подходящих досок.

– Принесли тут на днях один неплохой шифоньерчик! – проговорил один из владельцев, то ли Борис, то ли Глеб. – Вас могут заинтересовать внутренние полки – хороший выдержанный бук середины девятнадцатого века...

Он переглянулся с братом и отправился в глубину магазина, что-то сосредоточенно бормоча под нос.

А Старыгин тем временем достал из кармана своего солдатика и спросил второго брата (то ли Глеба, то ли Бориса):

– Что вы можете сказать про эту фигурку?

Антиквар всплеснул маленькими ручками, поднял глаза на Старыгина и воскликнул:

– Как он у вас оказался?!

Затем он соскочил со стула и крикнул вслед своему брату:

– Глебушка, розенберговский солдатик нашелся! Иди сюда, посмотри на него!

– Что значит «нашелся»? – удивленно переспросил Старыгин. – Что значит «розенберговский солдатик»?

– Ну, вы же видите – у нас в витрине стоит целая композиция из таких солдатиков, так вот один несколько дней назад пропал! А теперь вот он нашелся... откуда он у вас?

Старыгин не спешил отвечать на этот вопрос: ответ на него мог быть небезопасным.

В это время второй близнец примчался на зов брата. Под мышкой он сжимал буктовую доску, глаза его радостно блестели.

– Где, где этот солдатик? – воскликнул он, подбежав к Дмитрию Алексеевичу.

Показав ему солдатика, Старыгин спросил:

– Почему вы так уверены, что это именно тот солдатик, который пропал у вас? На мой взгляд, все оловянные солдатик похожи друг на друга, как... как вы с братом!

– Я не ожидал от вас такого! – надулся тот, кто оказался Борисом. – Вы ведь не скажете, что все картины похожи одна на другую!

– Ну, нельзя же сравнивать! Одно дело картины, другое – солдатик, детские игрушки...

– Во-первых, вовсе не детские игрушки. Хороших оловянных солдатиков собирают серьезные коллекционеры. Я знаю одного миллионера, крупного банкира, который душу готов отдать за редкий экземпляр... Солдатики – это замечательный материал по истории войн. По ним можно изучать обмундирование и вооружение различных эпох и армий. А что касается именно этого солдатика – в первую очередь обратите внимание на цвет мундира и портупей. Желтая портупея при синем мундире – это цвета второго гренадерского полка армии герцога Мекленбургского. Именно этот полк представлен в нашей композиции. Но самое главное... вы позволите? – он протянул руку, осторожно взял у Старыгина солдатика и взвесил его на ладони. – Ну, конечно же, это именно он! Неужели вы не заметили?

– Что я должен был заметить? – недоуменно переспросил Дмитрий Алексеевич.

– Не заметили, какой он тяжелый! Это же не оловянный солдатик, как и вся розенберговская серия!

– Не оловянный? – Старыгин окончательно растерялся. – А какой же еще?

– Свинцовый, конечно же! – вмешался в разговор второй брат, видимо Глеб, который до этого только в умилении любовался найденным солдатиком. – Это большая редкость, настоящий раритет! Неужели вы никогда не слышали про свинцовую армию Фрица Розенберга?

– Честно вам скажу – не доводилось! – признался Старыгин. – И фамилию слышу впервые...

– Удивительно! – Братья переглянулись. – Фридрих Розенберг был придворным алхимиком герцога Мекленбургского. Он обещал своему хозяину превратить свинец в золото, и говорят, у него имелось что-то очень важное, то ли какой-то необходимый минерал, то ли старинный талисман, так что Фридрих не сомневался в успехе.

Фридрих тяжело приподнялся на узкой и жесткой койке и застонал, разом вспомнив всю безысходность своего положения.

Он спустил ноги на холодный каменный пол, встал, пересек свою комнату – свою камеру, свою золотую клетку – подошел к умывальнику, зачерпнул тепловатой затхлой воды, плеснул на лицо. Бодрости не прибавилось, но хотя бы удалось разлепить глаза.

Следовало побриться: нельзя опускаться ни в каком положении, даже в таком скверном, но не хотелось делать никаких лишних движений. Все тело болело, каждая кость, каждый сустав.

Он сделал над собой усилие, поднял круглое зеркало с серебряной ручкой, всмотрелся в свое лицо.

Тусклые глаза, землистая кожа, серая щетина отрастающей бороды. Морщины, избородившие лицо, мешки под глазами.

Разве кто-нибудь поверит, что ему всего тридцать шесть лет? По крайней мере, если не соврала ему матушка...

Впрочем, она вралась всегда и всем. Бывшая маркитантка, бывшая полковая шлюха, бывшая женщина, выпив кружку дешевого мозельвейна, она плела случайным собутыльникам

небылицы о своем благородном происхождении, причем каждый раз новые. Вчера она была дочерью вормсского епископа, в младенчестве похищенной бродячими жонглерами, сегодня – племянницей пфальцского графа, в юности сбежавшей из богатого дома с любовником...

Так и ему, своему единственному сыну, она врала о его происхождении. То его папашей был знатный господин из герцогского семейства, то усатый французский полковник, то пьянчуга-барабанщик из савойского отряда...

Но, как бы то ни было, ему никак не больше сорока, а боль в костях и серая кожа – следствие его профессии.

Старый Рейни, Рейнхард Хольсбрюкен, обучивший Фридриха основам их ремесла, основам их искусства, говорил ему, что алхимики долго не живут. В поисках эликсира вечной жизни, эликсира молодости, они сжигают собственную молодость в тиглях с ядовитыми препаратами, губят здоровье, вдыхая пары ртути и сулемы. В поисках философского камня, превращающего свинец и ртуть в золото, они тратят последние гроши и умирают в нищете.

Но какая профессия лучше? Если ты не рожден в богатстве, если тебя пеленали не в шелковые пеленки, а в ветхое тряпье, если тебя нянчили не заботливые мамки и кормилицы, а полупьяная мать нехотя совала тебе отвислую грудь, и если тебе при этом повезло дожить хотя бы до пятнадцати лет – перед тобой не так уж много дорог.

Можно пойти в солдаты, в ландскнехты какого-нибудь нищего графа, который вечно задерживает жалованье. Тебя будет лупить красномордый капрал, тебя будут травить кислой баландой, посылать под пули, и лет через пять ты сдохнешь если не от ран, то от дурной болезни или с перепоею.

И уж совсем никчемная жизнь ждет тебя, если придется тянуть крестьянскую лямку. Голод и нищета до самой старости, страх перед засухой и недородом, страх перед каждой шайкой разбойников в солдатских мундирах или в воровских отрепьях, которые отнимут у тебя последние крохи и напоследок изнасилуют жену и дочь...

Поэтому, когда Фриц встретил старого Рейни и тот взял его к себе подмастерьем, пообещав обучить священным секретам тайного мастерства, юноша не задумался ни на минуту.

Пусть его ждет ранняя старость, пусть даже мучительная смерть подстерегает за стенами лаборатории – но его будет манить сияющий призрак безмерного богатства и вечной молодости...

И вот теперь он второй год находится в заточении у герцога, проводя дни и ночи в бесплодных попытках получить для его светлости философский камень.

Фридрих сделал над собой усилие и соскреб длинным лезвием бритвы серую щетину со щек. Затем умылся и переоделся в рабочую одежду – длинный балахон из тонкого черного полотна. Старый Рейни приучил его носить все черное. Он говорил, что это производит должное впечатление на знатных господ и простолюдинов.

Не успел Фридрих привести себя в порядок, как дверь его камеры со скрипом отворилась, и на пороге появился слуга герцога с подносом.

На подносе лежали свежий хлеб и мясо, кувшин вина и фрукты: герцог не скупился на кормежку для своего алхимика. Он считал, что рано или поздно расходы окупятся.

Правда, аппетита у Фридриха давно уже не было: аппетит пропал от сырого холода каменных стен, от ядовитых паров и растущего с каждым днем чувства безысходности.

– Мольтке, какая сегодня погода? – спросил Фридрих, переставляя блюда с едой на низкий столик.

Он знал, что слуга не ответит. Даже если бы у него появилось такое желание, у него не было возможности: герцог нарочно приставил к Фридриху глухонемого. Если Фридрих разговаривал с ним, то делал это просто для развлечения, да еще чтобы не разучиться говорить.

Мольтке вышел, забрав поднос.

Фридрих нехотя отломил кусочек хлеба, пожевал его.

И тут дверь снова отворилась.

Фридрих подобрался, проглотил хлеб и почтительно поднялся.

Он узнал эту тяжелую шаркающую походку, прежде чем увидел расшитый золотом камзол и грубое, надменное лицо своего господина, Карла Иеронима фон Буденбайера, герцога Мекленбургского.

Фридрих порадовался тому, что не поленился побриться и привести себя в пристойный вид.

Герцог неторопливо пересек комнату, подошел к столу, возле которого в смиренной позе стоял Фридрих, оглядел алхимика недовольным взглядом и произнес резко и неприязненно:

– Где мое золото?

– Ваша светлость, – Фридрих униженно согнулся, отступил на полшага и невольно закашлялся, – ваша светлость, мне нужно еще немного времени... последние опыты были весьма удачны, еще совсем немного, и золото будет...

– Я второй год слышу от тебя одно и то же! – рявкнул герцог, сверля его мрачным взглядом. – Еще немного... еще месяц... еще неделя... сколько раз ты мне это говорил? А сколько денег я потратил на твои химикаты? Мое терпение на исходе! Скоро начнется война, а моя казна пуста! Мне не на что снарядить и вооружить своих солдат, не говоря уже о том, чтобы нанять отряд швейцарских ландскнехтов! Золото нужно мне, как воздух!

Фридрих искоса взглянул на герцога.

Тот разозлился не на шутку. Одутловатое лицо побагровело, морщины на лбу сложились в древнееврейскую букву «шин». Дурной знак! Видно, герцог и вправду готовится к войне. А может, все проще – снова поссорился со своей любовницей, австриячкой, бесконечно требующей от него подарков и развлечений...

– Но, ваша светлость, я действительно близок к успеху! – пролепетал Фридрих, еще ниже склонившись. – Я получил тинктуру аурум, от которой всего один шаг до подлинного философского камня... позвольте, я покажу вам! – И он сделал шаг в сторону лаборатории.

Это был проверенный ход: герцог боялся входить в лабораторию. Он испытывал какой-то мистический, религиозный страх перед разноцветными препаратами, булькающими в колбах и тиглях, перед едкими запахами, заполняющими тесное помещение. Еще в самом начале своей работы Фридрих умело подогрел этот страх, проделав на глазах герцога пару нехитрых фокусов, которым научил его старый Рейни. Когда комната наполнилась ядовитым желто-зеленым дымом, герцог закашлялся, побледнел, перекрестился и выскочил прочь.

– Ни к чему! – рявкнул герцог, опасливо взглянув на низкую дверь. – Вот когда получишь золото – тогда другое дело! Но имей в виду: я даю тебе только одну неделю, а потом... ты помнишь, чем закончил твой предшественник?

Фридрих кивнул.

Еще бы, он помнил это очень хорошо.

Его предшественник, прежний алхимик герцога, тот самый старый Рейни, который научил Фридриха тайному мастерству алхимии, умер страшной смертью. Он три года жил при дворе герцога, пытаясь получить для того эликсир молодости, и в конце концов герцогу это надоело. Он приказал вывести старика на замковый двор. Там был разведен огромный костер, над которым кипел котел.

– Ну что, старик, тебе так и не удалось приготовить молодильное зелье? – осведомился герцог насмешливо.

– Ваша светлость, я уже близок к успеху! – ответил Рейнхард, трясаясь от страха при виде костра. – Еще месяц... может быть, даже меньше...

– Ну вот, а у меня все получилось быстрее! – хохотнул герцог, переглянувшись со своими придворными. – Видишь этот котел? Сейчас ты войдешь в него дряхлым стариком, а выйдешь оттуда двадцатилетним юношей! Ты хочешь помолодеть, старик?

– Но, ваша светлость, я служил вам верой и правдой... – лепетал Рейни, упав на колени. – Пощадите, ваша светлость!..

– Как, неужели ты не хочешь помолодеть? – Герцог сделал знак двоим солдатам, и те поволокли упирающегося алхимика к костру. Он визжал в ужасе, а герцог и его придворные хохотали.

Они хохотали, когда перекошенное мукой лицо Рейни последний раз мелькнуло над кипящей водой и исчезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.